

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 6

1910

Шопень.

(Къ столѣтію со дня рожденія.)

МОСКВА

Воскресенье 7-го февраля 1910 г.

Цѣна отд. № 15 коп.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА ОПЕРА

(театръ Солодовникова).

Въ субб. 6-го фев. съ уч. А. Сепаръ-Рожанскаго „ТАНГЕЙЗЕРЪ“. Въ воскр. 7-го фев. утр. „КАРМЕНЪ“, вечеромъ бенеф. В. Люце „СЕВИЛЬСКИЙ ЦИ-

РЮЛЬНИКЪ“. 8-го фев. „САМСОНЪ И ДАЛИЛА“. 9-го фев. „ЗОЛОТОЙ ПЪТУШОКЪ“. 10-го фев. въ 1-й разъ „МАЗЕПА“. 11-го фев. „ТРАВИАТА“.

ОТКРЫТЬ АБОНЕМЕНТЪ НА 4 ГАСТРОЛИ

знаменитаго итальянскаго тенора

ДЖУЗЕППЕ АНСЕЛЬМИ.

При участіи въ трехъ гастрояхъ извѣстной артистки

Вѣры Владиміровны ЛЮЦЕ.

Во вторникъ 9-го марта

ВЕРТЕРЪ.

Въ четвергъ 11-го марта

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТА.

Въ субботу 13-го марта

МАНОНЪ.

Въ понедѣльникъ 15-го марта

РИГОЛЕТТО.

Начало спектакля въ 8 час. вечера.

Билеты продаются съ 10 час. утра до окончанія спектакля.

Дирекція С. И. Зимина.

ТЕАТРЪ

Въ воскресенье 7-го февраля

„ЭРМИТАЖЪ“

въ 54-й разъ **НА ПОЛЮСЫ!** въ 54-й разъ

ДИРЕКЦІЯ

М. М. Брянской и Я. В. Щукина.

ОПЕРЕТТА

подъ управ. А. А. Брянскаго.

Въ понед. 8-го февраля

въ бенефисъ **В. М. ШУВАЛОВОЙ**
МИЛАШКА.

9-го февраля **МИЛАШКА.** 9-го февраля

АВТО-МУЗЫКА — А. БЕРГМАНЪ. —

МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова. Телеф. 49-06.

Музыкально-механическіе аппараты, ПИАНИНО И РОЯЛИ. ■ НОТЫ для всѣхъ механическихъ аппаратовъ: ФОНОЛЫ, ПИАНОЛЫ и друг. ■ ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

АППАРАТЫ ДЛЯ ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ НОТЪ.

Принимаются пiанино для устройства въ нихъ механическихъ аппаратовъ.

Главное представительство новыхъ механическихъ пiанино „VIRTUOS“.

НОВАЯ ПЬЕСА:

ПРОСНУЛСЯ Я, ВНИМАЙТЕ!

въ 4 д. Ю. Аль-Рашида (муж. р. 5, ж. — 3).
Цѣна цензур. рук. экз. 5 р. 75 к. Получ.
Спб. „Комисс. бюро при Союзъ драм. и
муз. писат.“. Басейная, 3 — 5. (Телегр.:
Спб. Драмосоюзъ).

Большая атмосфера. М. Юрьева. — Памяти А. А. Федотова. Е. К. — Въ чемъ кризисъ. А. Ардова. — Актеръ и рецензентъ. Г. М.-ча. — Шанте-клеръ. В. Л. Бинштока. — Столѣтняя годовщина со дня рождения Шопена. — Москва. — „Живые-мертвые“ А. Будищева. (Къ постановкѣ въ Маломъ театрѣ). Д. — Изъ Анри де Ренье. Стих. Н. Т. — Сем. Юшкевичъ-асемить. — Письма въ редакцію. — Петербургъ. — Мелочи театальной жизни. — За рубежомъ. — Письма изъ Казани. Л. Левинова. — Письма изъ Кіева. Эльфа. — Письма изъ Тифлиса. Г. Осипова. — Провинція.

РИСУНКИ и СНИМКИ: А. А. Федотовъ. (Къ годовщинѣ со дня смерти). — С. В. Рахманиновъ. — Е. В. Гельцеръ въ „Саламбо“. — Л. Андреевъ. Шаржъ Д. Мельникова. — На репетиціи „Шантеклера“. — Г-жа Рошина-Инсарова и г. Бѣлгородскій въ „Анфисѣ“. Шаржъ Д. Мельникова. — Ф. А. Ошустовичъ. — Петербургъ. Театральная школа г. Петровскаго, Санина, Яковлева и Шмидта. — Петербургъ. Малый театръ В. А. Миронова и Б. С. Глаголинъ въ „Генрихъ Наваррскомъ“. 2 рис. Шмарова. — Гастроль труппы г. Арнольдова на о. Сахалинѣ. — М. Н. Славичъ. — Г-жа Полякова. — Г-жа Писарева.

ПОСТОЯННЫМИ СОТРУДНИКАМИ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“ СОСТОЯТЪ: А. Ардовъ, Т. Ардовъ, П. М. Архангельскій, В. Базилевскій, Н. Басъ, И. А. Бунинъ, Н. Н. Вашкевичъ, Н. Высотскій, Л. И. Гальберштадтъ, В. Н. Гаргевельдъ, Э. Гольденвейзеръ, А. С. Грузинскій, Ю. Денике, Н. Г. Еремѣевъ, В. Е. Ермиловъ, Евт. П. Карповъ, Г. И. Колышко, А. И. Косоротовъ, С. А. Кречетовъ, В. О. Лебедевъ, Б. О. Лебедевъ (Ловдонъ), А. Н. Лепковская, М. О. Ликиардопуло, Лоло, Лоэнгринъ, Як. Львовъ, Г. С. Макрнді, С. С. Мамонтовъ (Матовъ), Э. Э. Маттернъ, Г. А. Матусевичъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. М. Пазухинъ, И. С. Платонъ, С. О. Плевако, А. А. Плещеевъ, И. И. Поповъ, Ник. Ал. Поповъ, В. В. Протопоповъ, С. Д. Разумовскій, Ю. Л. Ракитинъ, Д. Ратгаузъ, П. А. Сергѣенко, А. А. Смирновъ, Н. Соловьевъ, А. А. Стаховичъ, Л. А. Суллержицкій, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), И. Д. Телешовъ, Л. Д. Теплицкій, Н. И. Тимковскій, Н. Урванцовъ, В. Хавкинъ, Н. Г. Шкляръ, И. О. Шмидтъ (Рудинъ), Н. Е. Эфросъ, Сергѣй Яблоновскій, Д. Д. Языковъ; художники: В. П. Дриттенпрейсъ, Н. П. Крымовъ, Н. Сапуновъ, С. Ю. Судейкинъ, Г. Б. Якуловъ, Андре, И. Малютинъ, Д. Мельниковъ, Г. Рабиновичъ и друг.

Большая атмосфера.

Въ прессѣ снова участились извѣстія объ „инцидентахъ“, героями которыхъ явились дѣятели сцены, — инцидентахъ, оставляющихъ самый непріятный осадокъ въ душѣ у всякаго, кому небезразличны интересы театра и актерства.

По поводу одного изъ этихъ инцидентовъ намъ пришлось встрѣтить такое мнѣніе „авторитетнаго лица“: не наше дѣло до того, порядочный или нѣтъ чело-вѣкъ данный актеръ; наше дѣло, каковъ онъ на сценѣ...

Мы съ этимъ готовы согласиться. Мы не имѣемъ права копаться въ личной жизни общественныхъ дѣятелей, а въ частности, конечно, и въ личной жизни дѣятелей сцены.

Но вѣдь передъ нами вовсе не личная только жизнь. А публичные инциденты и—что еще гораздо важнѣе—факты изъ жизни профессиональной.

Когда у какого-нибудь профессора дома неладно съ дѣтьми, эта „борьба поколѣній“—ихъ личное дѣло, и для насъ она должна быть „табу“. Но если у того же профессора выходятъ столкновения со студентами, то уже дѣло общественное. Это жизнь уже не личная, а академическая.

Совершенно аналогично этому, если актеръ дома ссорится съ женой или у себя дома подрался съ товарищемъ, это ихъ личное дѣло и насъ оно не касается. Но когда столкновения въ данной формѣ между товарищами по сценѣ разыгрываются въ театрѣ, хотя бы и за кулисами, и въ особенности не по интимному поводу, передъ нами уже факты изъ профессиональной жизни, о которыхъ мы имѣемъ право публично произносить свое сужденіе.

И мы должны подходить къ этимъ фактамъ съ критеріемъ общественно-профессиональнымъ. Оцѣни-вать ихъ съ точки зрѣнія интересовъ сценическаго искусства и актеровъ, какъ корпораціи...

Съ точки зрѣнія интересовъ сценическаго искусства различны публичные, а въ особенности заку-лисные скандалы далеко не такъ безразличны, какъ это могло бы показаться на первый взглядъ.

Конечно, для насъ отнюдь не идеаль служителя искусства тѣ крыловскіе музыканты, которые „немио-

жечко дерутъ, зато уже въ ротъ хмѣльного не беру-тъ“. Но дѣло вовсе не въ этомъ.

Конечно, и индивидуальная, моральная чистота чрезвычайно важна, поскольку ея обуславливается чистое отношеніе къ искусству. Съ другой стороны, различныя грубыя выходки актеровъ очень печальны, какъ симптомы, поскольку свидѣлствуютъ о малой интеллигентности актера, каковая съ точки зрѣнія ин-тересовъ искусства представляетъ собой явленіе глу-боко отрицательное.

Но едва ли было бы цѣлесообразно ограничиваться призывами къ личному совершенствованію актера: будьте морально чисты и свято относитесь къ иску-ству, будьте интеллигентны—призывами, хотя бы са-мыми горячими и убѣдительными.

Важнѣе, быть можетъ, обратить вниманіе на кор-поративную атмосферу, въ огромномъ вліяніи ко-торой на сценическое творчество едва ли можно со-мнѣваться.

Въ актерской средѣ постоянно можно услышать жалобы на закулисные интриги, всяческія липилки, раздражающія и выводящія изъ психическаго равно-вѣсія, — жалобы съ неизмѣннымъ рефреномъ—каково работать въ такихъ условіяхъ!

Безъ сомнѣнія очень тяжело работать. Но это уже условія, противъ которыхъ можно бороться не одной лишь проповѣдью личного совершенствованія.

Приглядимся къ одному изъ случаевъ драки акте-ровъ, описанной въ „Т. и И.“.

Артистъ Слоновъ во время своего бенефиса въ одинъ изъ антрактовъ сталъ ругать артиста Орлова за то, что тотъ испортилъ ему сцену. Орловъ отвѣ-тилъ бранью же, на которую Слоновъ реагировалъ „оскорбленіемъ дѣйствіемъ“ и т. д.

Не знаемъ, былъ ли въ чемъ-нибудь виноватъ артистъ Орловъ или же во всемъ виноваты разви-ченные актерскіе нервы. Но допустимъ, что подобное столкновение вышло между артистами X и У, при чемъ У, дѣйствительно, испортилъ артисту X сцену, да еще испортилъ сознательно.

„Развитіе событій“ очень нетрудно себѣ предста-вить. На негодованіе X со стороны У слѣдуетъ за-дорный отвѣтъ, приводящій X въ бѣшенство, проис-хожденіе котораго вполне въ такомъ случаѣ есте-ственно и „законно“.

Какими средствами, въ самомъ дѣлѣ, можетъ Х бороться противъ такой сознательной гадости. При настоящихъ условіяхъ онъ передъ ней безсиленъ: нѣтъ той авторитетной инстанціи, у которой онъ могъ бы найти защиту. А какъ легко изъ безсилія рождается неудержимая злоба, это, я думаю, всѣмъ хорошо известно.

Какъ можно было бы устранить это безсиліе? Гдѣ слѣдовало бы искать артисту „управы“ и защиты? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: въ корпоративномъ судѣ чести. Но этотъ судъ, какъ живое и авторитетное учрежденіе, предполагаетъ развитія понятія чести въ членахъ корпораціи, болѣе высокій, моральный уровень корпораціи, болѣе здоровую корпоративную атмосферу...

Мы прошли кругъ и вернулись къ исходному пункту. Нужно оздоровить ту корпоративную атмосферу, которая окружаетъ жизнь и творчество актера; средствомъ для этого кромѣ личнаго совершенствованія можетъ явиться распространеніе института суда чести; а это предполагаетъ уже оздоровленную атмосферу...

Но, можетъ быть, этотъ кругъ не такой заколдованный, какъ это кажется. Нужно во всѣхъ профессионально-криминальных случаяхъ выдвигать судъ чести, а коррективомъ къ низкому уровню моральнаго сознанія въ корпораціи можетъ явиться при первыхъ шагахъ общественное побужденіе къ суду чести и общественный же контроль надъ этимъ судомъ въ формѣ публичнаго обсужденія...

М. Юрьевъ.

А. А. Федотовъ.

(Къ годовщинѣ со дня смерти.)

Памяти Александра Александровича Федотова.

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.

А. Пушкинъ.

Какъ легко было говорить съ нимъ и какъ трудно о немъ писать! Придешь, бывало, взволнованная, смущенная неудачей, усталая отъ сомнѣній, которыхъ такъ много у всякаго начинающаго актера, и сбивчиво что-то говоришь, а онъ слушаетъ... и черезъ минуту

чувствуешь себя просто и спокойно подъ его внимательными, пріятными глазами. А теперь, когда пишешь, особенно больно и ярко сознаешь, какъ не доставало его за этотъ годъ и какъ эта утрата незамѣнима для всѣхъ, кто его любилъ, а для этого надо было только его знать. Интересный собесѣдникъ, соединявшій съ огромной памятью и рѣдкую образованность, опытный учитель, строгій къ „своимъ“ и добродушно снисходительный къ „чужимъ“, онъ отдавалъ всего себя не только любимому искусству, но всякому живому дѣлу, съ которымъ сталкивала жизнь, отдавалъ, не умѣя беречь себя и свое сердце—такое прекрасное, горячее, иногда нетерпѣливое, но всегда безконечно лучезарно-доброе! Больной и слабый, былъ все такъ же доступенъ и отзывчивъ; чуть болѣзнь отпускала, онъ, точно передохнувъ, опять хотѣлъ быть полезнымъ. Я помню, какъ интересовался онъ репетиціями „Власти тьмы“ (послѣднее, что онъ ставилъ), спрашивая меня о мельчайшихъ подробностяхъ, разясняя по телефону молодымъ актерамъ все, чѣмъ могъ облегчить ихъ трудъ, какъ хотѣлось ему имъ помочь и какъ мало мы всѣ думали, что онъ уйдетъ отъ насъ навсегда! Воспоминаній много, но еще рано и тяжело ихъ тревожить!..

Е. К.

Въ чемъ кризисъ театра?

Снова и опять безконечный и страстный споръ на такую большую и близкую театралу тему о кризисѣ театра. Еще одинъ длинный, и, тягучій, тусклый и сѣрый, мрачный и тосливый прошелъ годъ, и, когда перо само напросилось на печальные выводы, стало мучительно-тяжело и неопитно. Гдѣ живой и вдохновенный театр? Гдѣ любимые страстные актеры? Гдѣ воодушевлявшіе на красивые порывы, на сказочныя грезы пьесы? Гдѣ вообще то „нѣчто“, которое тянуло зрителя въ театръ и создавало между нимъ и сценой такой близкій, горячій и идейный, любимый и, казалось бы, вѣчный союзъ!..

Точно порвалась связующая цѣпь, провалился фундаментъ, ушла почва, и мы увидѣли зіяющую пустотой пропасть... Гдѣ мы стоимъ? Что съ нами сейчасъ? Гдѣ русскій театр? Кто плѣнилъ его? И не найдется ли такой сказочный принцъ, который, какъ королевичъ Ладъ, освободилъ бы нашу принцессу—сцену—изъ плѣна?!

Конечно, вопросъ уже разрѣшили театральные кнты. Чириковъ нашелъ театръ въ плѣну у зрителя; Кугель — у рутины. Первый шутя подомелъ къ дѣлу и, легко попорхавъ вокругъ создававшагося юмористическаго положенія, укуслилъ зрителя. Второй обидѣлся за зрителя и защитилъ его. Вѣроятно, выскажетъ свое мнѣніе еще кто-нибудь и на этомъ успокоятся. Возъ останется и нынѣ тамъ, какъ остался съ вопросомъ о царствѣ на сценѣ режиссера или актера. Милліонъ споровъ, океанъ страстей, а г. г. Марджановы, между тѣмъ, продолжаютъ манипулировать на сценѣ и искать чего-то непонятнаго. Другіе „ищутъ“ тоже. Вы помните, какъ въ „Свадьбѣ“ Чехова: „Я ищу возвышеннаго! Дайте мнѣ „атмосферы.“ И русскій актеръ подставляетъ свою спину, свою душу, талантъ, разумъ, чтобы дать режиссеру... атмосферы... Если такъ разрѣшится вопросъ и о кризисѣ театра, поднятый въ концѣ прошлаго года, будетъ но очень весело.

Вашъ покорнѣйшій слуга вотъ уже два мѣсяца производитъ наблюденія со стороны, откуда виднѣй, на театрѣ. Интервьюирую актеровъ, режиссеровъ, аптрепрееровъ, рецензентовъ, драматурговъ театральныхъ кассировъ, барышниковъ, канцеляристовъ, театральныхъ буфетчиковъ и даже дежурныхъ приставовъ и пожарныхъ... И это вовсе не странно и не понятно. Можетъ-быть, наблюденія старыхъ канцеляристовъ и буфетчиковъ, пожарныхъ и барышниковъ наиболѣе характерны въ данномъ случаѣ. Они именно подымаютъ въ зрителѣ то, чего не подымаютъ ни одинъ изъ рецензентовъ, актеровъ и режиссеровъ. Вы хотите знать заключенія? Хотите провѣрять настроеніе зрителя?..

Е. Чирикова, по моимъ наблюденіямъ, нужно по меньшей мѣрѣ лишить всѣхъ особыхъ и по таланту присвоенныхъ правъ театральнаго пророчества. Ужъ кто-кто, а зритель чистъ, аки хрусталь. Считать его виновникомъ кризиса по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Зритель, читатель, публика никогда, нигдѣ и ни въ чемъ не шла впереди писателя, впереди литературы. Просмотрите внимательно исторію общественнаго развитія Россіи, „исто-

рию" русской интеллигенции и вы увидите, что какъ пять-десять лѣтъ тому назадъ — въ пору шестидесятыхъ годовъ, — такъ и въ послѣднее время интеллигенція шла за писателями, вообще за культурными водителями слѣдомъ. Не мы выдвигали писателя и драматурга, не событія вдохновляли ихъ на глубоководные и тенденціозныя произведенія. Писатель заглядывалъ далеко впередъ и провозглашалъ такіе лозунги, которые звали насъ впередъ, туда, гдѣ ярко свѣтились намъ многообѣщающіе огоньки... Эти лозунги зажигали въ зрителѣ, читателѣ горячую вѣру, сказочную грезу, прекрасную мечту объ ослѣпительномъ солнцѣ, которое засвѣтитъ, чтобы не погаснуть никогда. И зритель трепетно слушалъ слова автора-драматурга, съ захватывающимъ вниманіемъ слѣдилъ за пьесой въ театрѣ. Театръ превратился положительно въ храмъ. Иностранецъ, привыкшій въ театрѣ развлекаться, поражаясь тому, какъ русскій интеллигентъ ходилъ въ театръ и любилъ его.

Послѣдній годъ въ русскомъ театрѣ стало вдругъ скучно и тоскливо. Началось это, собственно, уже года три. Театръ сталъ терять свое обаяніе, потому что выходилъ драматургъ и пересталъ давать зрителю нѣчто такое, чтобы его захватывало и звало въ театръ. Возьмите репертуаръ послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Есть стилизація, декаденство, религиозное искательство, богоборчество; но все это написано такъ, что непонятно даже самимъ богоборцамъ и религиозноискателямъ. Андреевъ пугаетъ зрителя ужасами, а зрителю не страшно. Другой зоветъ куда-то, по ему не вѣрять, ибо онъ неискрененъ. У самого въ душѣ пустота, могила, а публикѣ отсыпаетъ пудовъ тысячу горячей вѣры въ близкое торжество любимого идеала. Впрочемъ, и даже такихъ неискреннихъ пьесъ мало, — остальное — пустота, слабыя исканія невѣдомыхъ путей, продукты растерянного творчества, миражъ....

Мудрено ли, что зритель заскучалъ въ театрѣ? Ему стало больше некуда и незачѣмъ идти. Чуткій и глубокий театраль питаетъ себя глубокимъ переживаніемъ, вы знаете отъ чего? Отъ „Новаго міра“! Вотъ пишите-ка такъ пьесы, не такіе примитивно-театральные монологи, не такую рождественскую идею, но дѣйство сценическое, захватъ... Чтобы все время зрители актеръ на веревочкѣ держалъ... Въдѣ угаръ революціоннаго періода и послѣреволюціоннаго душевнаго упадка уже нѣсколько слегъ. Нужны опять глубокія переживанія, настроеніе, поэтическая греза, прекрасная мечта. Дайте ее, господа драматурги, распахните душу зрителя и тогда увидите, онъ ли впаивать въ томъ, что въ театрѣ сейчасъ глухо и сѣро какъ въ могилѣ!

Вотъ разгадка загадки по моему мнѣнію, по мнѣнію зрителя. Вотъ, собственно, почему имѣетъ успѣхъ „Сатана“, эта зрѣлищная, щекощущая пятки пьеса. Вотъ почему пьеса — „Комедія брака“ Юшкевича въ томъ видѣ, въ какомъ ее пустилъ на сцену писатель. Вотъ почему 30—40 разъ смотрятъ мольнараровскаго „Чорта“. Вотъ почему пойдутъ смотреть всякую легкую комедію, на которой, какъ, напр., на „Актрисѣ“, можно легко и непринужденно смѣяться и чувствовать пріятное щекотаніе веревки. Это пьяный смѣхъ. Смѣхъ самозабвенія. Смѣхъ тоски въ театрѣ.

Г. Чириковъ, вѣроятно, скажетъ, что зритель самъ не знаетъ, чего хочетъ, и иотъ почему не идетъ за драматургомъ писателемъ. Но пусть драматургъ попробуетъ, позоветъ. Какъ послѣ бури съ ливнемъ, смеетъ драматургъ и манипуляціи режиссера, я увлеченіе актера своимъ престоломъ на сценѣ, и „бѣ слово“ и все прочее, надъ чѣмъ бьются сейчасъ, какъ надъ древними саркофагами... Попробуйте только позвать, увлечь, блесните на зрителя молніей своего вдохновенія, своего мастерскаго пера и лишь тогда сможете съ полнымъ правомъ сказать:

— Зритель, ты виноватъ!

Вотъ, что хочется отвѣтить г. Чирикову на его „Борьбу за престолъ“. Вотъ, что отвѣчаетъ ему театральная масса — „Веселая вдова“...

А. Ардовъ.

Артистъ и рецензентъ.

(Изъ провинціальныхъ очерковъ.)

Антагонизмъ между артистомъ и рецензентомъ — общеизвестное явленіе.

Артистъ, являясь страдательнымъ лицомъ, установилъ относительно рецензента опредѣленный и несокрушимый взглядъ:

— Врагъ!

Человѣкъ, который пользуется державностью печати, нѣсколькими печатными строчками можетъ уничтожить творческую работу цѣлаго мѣсяца, а можетъ быть и года, и не только работу, а и связанныя съ нею радужныя надежды и ожиданія — несомнѣнно врагъ и врагъ опасный.

И оттого, когда артистъ знакомится съ рецензентомъ, на

С. В. Рахманиновъ.

(Къ возвращенію изъ Америки).

лицъ его появляется сладенко-заискивающая и въ то же время скрытно-враждебная улыбка.

И онъ говоритъ:

— Значитъ, ругать насъ будете?

„Ругать“ — этимъ словомъ опредѣляется въ глазахъ артиста дѣятельность рецензента.

Само собою разумѣется, что руганью артистъ называетъ не только буквальную ругань, но и всякій неодобрительный отзывъ, хотя бы даже самый безпристрастный.

Артистъ открываетъ газету съ рецензіей о спектаклѣ и вслухъ говоритъ:

— Ну-ка, посмотримъ, обругалъ сегодня или нѣтъ!

Ругательная рецензія, конечно, не можетъ нравиться артисту, мечтающему о лаврахъ (а какой артистъ не мечтаетъ о лаврахъ!) и если оказывается, что рецензентъ систематически „ругается“ — артистъ заключаетъ:

— Травить.

И принимаетъ мѣры. Или задабриваетъ рецензентовъ бутербродами и натурой — если рецензентъ падокъ на бутерброды и натуру; или въ противовѣсъ рецензентской ругани добивается „святыхъ“ и непосредственныхъ восторговъ гимназистокъ и гимназистовъ; или, наконецъ, принимаетъ самую рѣшительную мѣру — „отщелкиваетъ ругателя по мордасамъ“.

А потомъ ходитъ героемъ среди товарищей, и товарищи дружно одобряютъ его:

— У нихъ печатъ въ рукахъ, и намъ отъ нихъ больше нечѣмъ защищаться.

Когда же рецензентъ не ругаетъ, а хвалитъ (тоже милое выраженіе!) — между артистомъ и рецензентомъ устанавливается дружба. Но дружба эта очень подозрительна. Если рецензентъ въ своихъ одобреніяхъ былъ искрененъ, а потомъ, въ силу той же искренности далъ вдругъ неодобрительный отзывъ, дружбѣ наступаетъ конецъ.

Все, что угодно приметъ артистъ за причину неожиданной перемѣны отзыва, но только не искренность.

И временный другъ артиста, другъ театра, вновь оказывается ихъ вѣчнымъ, заклятымъ врагомъ.

Казалось бы, при такомъ зависимомъ и беззащитномъ положеніи артиста, ничѣмъ не огражденного отъ произвола рецензента, отсутствіе рецензіи обозначало бы отсутствіе врага.

И тогда артистъ могъ бы спокойно дѣлать свое дѣло, имѣя передъ собою только одного благодушнаго, рѣдко непривѣтливаго критика — публику.

Не тут-то было.

Стоит только рецензенту перестать совсѣмъ писать, какъ артистъ приходитъ въ чрезвычайное безпокойство.

— Замалчиваютъ! Не замѣчаютъ! Не считаютъ!

Это страшнѣй даже самой рѣзкой ругани.

И артистъ спѣшитъ къ врагу и умоляетъ его:

— Голубчикъ, ну, выругайте, выругайте, какъ хотите.

Но ради Бога, только не молчите.

А самъ въ это время соображаетъ: „Мнѣнїе рецензента субъективно. Пусть ругаетъ: во всякомъ случаѣ будетъ видно, что печать со мной считается, какъ съ опредѣленною единицею, а не безличнымъ нулемъ“.

А помню этого, является еще практическое соображеніе. что рецензія — реклама. Она такъ или иначе, но напоминаетъ, что существуетъ театръ, что въ театрѣ играетъ такой-то артистъ.

Такой взглядъ на рецензентскую дѣятельность нерушимо установился у артиста.

Надо сознаться, что значительная вина въ установленіи такого нелѣпаго, малокультурнаго и ужъ во всякомъ случаѣ ничего общаго съ задачами искусства неимѣющаго взгляда лежитъ на рецензентахъ.

Обаяніе власти, обаяніе верхней ступеньки на лѣстницѣ ранговъ человѣческихъ почти неотразимы для человѣческой психики.

Е. В. Гельцеръ—въ роли Саламбо.

Кто-то подтянулся при твоёмъ появленіи, кто-то посмотрѣлъ на твою руку, какъ на карающую или милующую его десницу, кто-то испугался или изволновался отъ твоего слова.

Этого человѣку бываетъ достаточно, чтобы почувствовать себя у власти, чтобы признать себя тѣмъ, кто облеченъ правомъ карать и миловать!

Рецензенты — развѣ за рѣдкими исключеніями — быстро поддаются обаянію этого права. Зная, какое впечатлѣніе производятъ на актёра ихъ рецензіи, они какъ-то сразу забываютъ, что ихъ никто не обладалъ правомъ писать рецензіи, что право это они сами себя присвоили, что капралами театра они стали по собственному вдохновенію, взявъ въ руку палку.

И чѣмъ больше волнуется отъ рецензій артистъ, тѣмъ самоувѣренность становится рецензентъ въ этомъ своемъ фиктивномъ правѣ. И наконецъ приходитъ къ тому, что перестаётъ считаться съ артистомъ, какъ съ независимымъ чело-вѣкомъ, чело-вѣческое достоинство котораго защищается обыкновенной общественной этикой и даже уголовными законами.

На ряду съ необузданно грубыми рецензентами, искренно

повѣрившими въ свое право карать и миловать артиста, идутъ рецензенты, просто спекулирующіе своими рецензіями.

Одинъ любить актрису, другой бутерброды, третій просто питаетъ „влеченье — родъ недуга“ къ закулискому амикошнству. Въ зависимости отъ этихъ причинъ ихъ рецензентское вдохновеніе и творитъ: либо хвалу, либо ругань.

И въ результатъ получается, что и искренній грубиянъ, возмнившій себя перуномъ театра, и закулисный спекулянтъ старательно утверждаютъ въ артистѣ по отношенію ко всѣмъ рецензентамъ безъ исключенія, недověріе, раздраженіе, озлобленіе, враждебность, фальшивую неискренность въ общеніи и многое другое.

— Чтобъ оставаться безпристрастнымъ, рецензентъ во-всѣмъ не долженъ знакомиться съ артистомъ и сходить съ нимъ.

Къ такому заключенію пришли многіе наблюдатели отношеній между артистомъ и рецензентомъ.

— Да, такъ сходить, какъ онъ теперь сходитъ, несомнѣнно не долженъ. И такимъ отношеніямъ, какія мы наблюдаемъ между артистомъ и рецензентомъ, долженъ быть положенъ предѣлъ.

Но есть родъ общенія, который не только можетъ быть допущенъ, но даже необходимъ.

Это общеніе на почвѣ искусства. Общеніе на почвѣ того высокаго духовно-эстетическаго дѣла, которому оба пришли служить.

Артистъ творитъ, рецензентъ анализируетъ и опредѣляетъ цѣнность и значеніе его творчества.

Анализъ чуткаго критика углубляетъ и проясняетъ взглядъ артиста на свое собственное творчество и помогаетъ ему выкристаллизовать и отшлифовать лучшіе перлы его дара.

Въ этой совместной неотдѣлимой, кровно связанной работѣ необходимо самое тонкое, самое близкое общеніе.

Если мы тщательно собираемъ и изучаемъ письма и записки, оставленные творцами искусства, чтобы по нимъ ближе увидѣть и узнать душу писавшаго ихъ, чтобы по нимъ глубже прослѣдить и освѣтить тѣ пути, тѣ извилины, по которымъ шло и развивалось его творчество, такъ не во сто ли кратъ лучше познаемъ мы эти прекрасные пути, если подойдемъ къ самой душѣ художника и вступимъ съ ней въ духовное общеніе!

Врядъ ли найдется голосъ, который поднимется противъ необходимости такого общенія рецензента съ артистомъ.

Само собою понятно — оба они должны для этого подняться на высоту истиннаго, благороднаго, сознательнаго, чутко культурнаго и беззаветнаго служенія искусству.

І. М.—чѣ.

„Chantecler“.

(Отъ нашего парижскаго корреспондента.)

Въ одной изъ первыхъ своихъ репликъ Сирано де-Бержера говоритъ: „А la première du Ciel j'étais là“.

Варьируя этотъ стихъ, каждый изъ 1700 парижанъ, бывшихъ вчера вечеромъ въ театрѣ Porte St. Martin, сможетъ черезъ нѣсколько лѣтъ съ гордостью сказать: „Я былъ на генеральной репетиціи „Шантеклера“. Этого событія ждали, къ нему готовились чуть ли не десять лѣтъ подъ рядъ. Въ моей первой корреспонденціи изъ Парижа, напечатанной въ одномъ изъ лѣтнихъ номеровъ „Рампы“ я подробно разсказалъ исторію „Шантеклера“; и поэтому къ ней мы возвращаться не будемъ.

Напомню только читателямъ тотъ громадный шумъ, который былъ поднятъ вокругъ этой пьесы.

Когда въ этомъ сезонѣ, наконецъ, начали серьезно готовиться къ представленію „Шантеклера“, реклама, ловко пущенная директорами театра Porte St. Martin — Герцемъ и Жаномъ Кокленомъ и раздуваемая друзьями и прихлебателями Ростана, начала принимать такіе размѣры, что грозила скомпрометировать самое пьесу.

Нельзя было раскрыть ни одного №-ра журнала или газеты, безъ того чтобы не найти интервью Ростана, его жены, сыновей, прислуги: описаніе гостиницы и занимаемыхъ имъ и его семьей комнатъ; описаніе его дворца въ Камбо, его ванной комнаты, до самыхъ интимныхъ туалетныхъ принадлежностей включительно.

Портреты Ростана, его семьи выставлены во всѣхъ эстампныхъ и книжныхъ магазинахъ. Нѣтъ ни одного са-

мага знаменитаго изобрѣтенія, ни одного патентованнаго медицинскаго средства, ни одной помады для рошенія волосъ, ни одного самаго дутаго акціонернаго предпріятія, которое бы такъ усердно и ловко рекламировалось, какъ Ростанъ и „Шантеклеръ“. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что о Наполеонѣ I-мъ врядъ ли было столько написано, сколько о Шантеклерѣ. Эта безстыдная, наглая реклама à outrance, съ одной стороны, страшно подняла, если можно такъ выразиться „рыночную цѣнность“ Ростана.

Въ моей первой корреспонденціи, на которую я уже выше ссылался, я привелъ нѣсколько любопытныхъ цифръ авторскаго гонорара Ростана. Но его авторскій гонораръ за предидущія произведенія является совершенно ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ, что ему принесетъ „Шантеклеръ“. Авторскій гонораръ за *представленіе* этой пьесы по самымъ скромнымъ подсчетамъ долженъ достигнѣ до 2.000.000 фр. А вотъ что Ростанъ получилъ за *опубликованіе* этой пьесы. „Шантеклеръ“ появится почти одновременно въ „Illustration“ и у издателя Фаскелля. Редакція „Иллюстраціи“ и Фаскелль, по взаимному соглашенію уплатили Ростану *милліонъ франковъ*; такую же сумму ему уплатилъ издатель Пьеръ Лаффитъ за право выпустить полное иллюстрированное собраніе его сочиненій, первый томъ котораго опять-таки составитъ „Шантеклеръ“.

Если эта бѣшеная реклама сильно повысила „рыночную стоимость“ Ростана и довела ее до такихъ размѣровъ, которыхъ не знаетъ до сихъ поръ ни одна литература, то, съ другой стороны, эта страшная шумиха сильно повредила Ростану въ общественномъ мнѣніи и настроила противъ него очень враждебно литературныя и театральныя сферы. Какъ вполне справедливо говорили, не существуетъ и не можетъ существовать ни одного самаго гениальнаго произведенія, способнаго выдержать подобную рекламу.

Какъ бы ни была прекрасна пьеса „Шантеклеръ“, зрители несомнѣнно будутъ разочарованы и скажутъ: „Какъ! и только!“ Содержаніе пьесы почти все было извѣстно заранее. Въ газетномъ мірѣ было какое то соревнованіе: сообщить одну, двѣ сцены изъ „Шантеклера“.

Италянская газета „Secolo“ помѣстила подробное содержаніе пьесы и привела два подлинныхъ отрывка. То же сдѣлалъ и одинъ парижскій журнальчикъ „La bonne Chanson“. Герцъ и Кокленъ возбудили противъ всѣхъ этихъ газетъ и журналовъ судебные процессы, требуя съ cadaго органа 100.000 фр. убытковъ; но, опасаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы мало-по-малу вся пьеса не была бы напечатана до ея представленія поторопились съ репетиціями. Разъ десять назначался „окончательный“ и „послѣдній“ срокъ генеральной репетиціи; и каждый разъ приходилось откладывать. Наконецъ, вчера, въ воскресенье 6-го февраля, состоялась эта знаменитая генеральная репетиція, подобной которой не было до сихъ поръ ни въ одномъ театрѣ въ мірѣ.

Генеральныя репетиціи въ Парижѣ обыкновенно назначаются на 8½ ч., а начинаются, въ дѣйствительности, не раньше 9¼—9½; и парижская публика, привыкшая уже къ этому, начинаетъ собираться не раньше 9-ти часовъ. На этотъ разъ пригласительные билеты на репетицію сопровождались слѣдующимъ небольшимъ напоминаніемъ: „спектакль начнется ровно въ 8½ ч.; послѣ поднятія занавѣса, никто въ зрительный залъ впущенъ не будетъ“.

Въ виду этого съѣздъ начался уже съ 8-ми часовъ; и къ половинѣ девятаго гигантскій театръ Porte St. Martin былъ биткомъ набитъ сверху донизу и представлялъ дѣйствительно волшебный видъ: министры, почти весь дипломатическій корпусъ, знаменитые актеры и актрисы, писатели, художники, драматическіе и музыкальные критики, представители родовой и денежной аристократіи, „знатные иностранцы“, крупные биржевики, знаменитыя и незначительныя кокетки; однимъ словомъ—тотъ пресловутый „весь Парижъ“, который составляетъ идеальную и самую чуткую театральную публику. Несмотря на все разнообразіе соціальнаго положенія зрителей, составляющихъ эту публику, всѣ они имѣютъ между собою то общее, что страстно любятъ и прекрасно понимаютъ

театръ; и старая накрашенная кокетка, и подозрительной честности банкиръ, и тонкій хитрый дипломатъ, и знаменитый писатель,—всѣ они одинаково чувствуютъ красоту и недостатки исполняемаго передъ ними произведенія; всѣ они подчеркиваютъ единодушнымъ „браво“ особенно выдающееся мѣсто; „ils se sentent les coudent“, какъ говорятъ французы.

Поэтому въ залѣ стоитъ та страшная атмосфера, при которой артисты чувствуютъ особенный нервный подъемъ и играютъ, какъ они никогда не играютъ предъ обычной платной публикой. Передъ началомъ спектакля произошелъ очень забавный инцидентъ. Раздались три громкихъ удара; занавѣсъ заколыхался, какъ вдругъ послышался громкій, повелительный голосъ Жана Коклена: „Pas encore!“ („погодите!“).

Леонидъ Андреевъ.

Шаржъ Д. Мельникова.

Публика была убѣждена, что случилось что-то особенное и что спектакль будетъ опять отложенъ; всѣ привстали со своихъ мѣстъ; но, къ счастью, эти слова оказались первыми словами пролога, который Жанъ Кокленъ произноситъ предъ занавѣсью и который является перломъ лирической поэзіи.

Это лучшее мѣсто въ пьесѣ. Въ чудныхъ гармоническихъ стихахъ прологъ этотъ воспроизводитъ всю жизнь фермы, въ которой должна разыгратъ драма; за кулисами въ это время слышны звуки запрягаемыхъ лошадей, крики крестьянъ, различные крики животныхъ; наконецъ люди уходятъ, и занавѣсъ взмывается надъ первой картиной, изображающей пастуха въ дворѣ. Прежде чѣмъ разбирать пьесу, расскажемъ вкратцѣ ея содержаніе. Все дѣйствіе происходитъ среди животныхъ.

Но эти животныя, какъ животныя баснописца воплощаютъ въ себѣ различные чувства, различные типы людей.

На репетиции „Шантеклера“.

Г-жа Симоннъ
(Самка фазана.)Галипо
(Скворецъ.)

Ростанъ

Г. Гитри
(Пѣтухъ.)Жанъ Кокленъ
(Собака.)

Главное дѣйствующее лицо—пѣтухъ—это артистъ, создатель свѣта и красоты; скворецъ—скептикъ—онъ осмѣиваетъ всѣ идеалы; самка фазана—это женщина, со всѣмъ ея обаяніемъ и съ вѣроломствомъ, „l'éternel féminin“; сова—это сторонникъ тьмы, противникъ свѣта; павлинь—это снобъ, напыщенный важностью собственной особы; цесарка—это свѣтская дама, тщеславная и болтливая; собака—это олицетвореніе вѣрности, благородства. Столкновеніе страстей этихъ различныхъ существъ составляетъ содержаніе драмы.

Шантеклеръ (пѣтухъ), счастливый и величественный, царствуетъ на птичьемъ дворѣ. Всѣ обитатели восхищаются имъ.

C'est celui dont le chant tient plus au paysage qu'à la pente du mont la blancheur du village.

Почему онъ пользуется такимъ авторитетомъ? Потому что вокругъ него думаютъ — и онъ самъ этому вѣритъ — что его героическій и величественный крикъ заставляетъ солнце вставать. Несмотря на саркастическія эпіграммы скворца, его престижъ безграниченъ. Внезапно онъ страстно влюбляется. Самка-фазанъ, преслѣдуемая охотниками, попадаетъ на птичій дворъ и умоляетъ спасти ее.

Пѣтухъ принимаетъ ее, покровительствуетъ ей. Она ему нравится. Ухаживанія пѣтуха сначала ея не трогаютъ; она начинаетъ чувствовать любовь къ пѣтуху только тогда, когда его жизнь въ опасности. Ночныя птицы составляютъ заговоръ противъ пѣтуха. Онѣ желаютъ, чтобы ночь длилась вѣчно; убѣжденные, что, если бы Шантеклеръ не пѣлъ, солнце никогда не всходило бы, онѣ рѣшаютъ убить его; онѣ заманиваютъ его въ западню и натравливаютъ на него своего рода наемнаго убійцу, — пѣтуха, воспитаннаго для пѣтуши-наго боя.

Шантеклеръ принимаетъ вызовъ. Дуэль происходитъ у цесарки во время ея five o'clock'a, который происходитъ на огородѣ. Шантеклеръ не особенно любитъ эти собранія у цесарки; онъ пошелъ туда, чтобы послѣдовать за своей возлюбленной. У цесарки собирается самое разнообразное общество, болѣею частью неудачные литераторы. Наконецъ происходитъ бой; противникъ Шантеклера бросается на него слишкомъ яростно и ранитъ самого себя бритвами, прикрѣпленными къ его лапамъ.

Шантеклеръ, спасенный чудомъ, утомленный подлостью

и низостью, которая онъ видѣлъ у цесарки, уходитъ со своей возлюбленной въ лѣсъ. Это ихъ свадебное путешествіе. Онъ слушаетъ мелодичное пѣніе соловья и начинаетъ сомнѣваться въ самомъ себѣ. Онъ засыпаетъ подъ крыломъ у своей возлюбленной, и спитъ такъ долго, что, когда онъ просыпается, солнце уже высоко на горизонтѣ: оно не ждало его кукареку, чтобы подняться. Мечты пѣтуха разбиты; онъ падаетъ оскорбленный на землю.

Но фазанъ самка любитъ Шантеклера; она любитъ его еще больше, такъ какъ видитъ его паденіе и что, несмотря ни на что, онъ продолжаетъ быть вѣрнымъ своему идеалу. Отнынѣ она будетъ жить подлѣ него; она откажется отъ свободы, отдастся въ рабство и будетъ его утѣшительницей...

Такова пьеса. Прежде чѣмъ анализировать ее, скажемъ нѣсколько словъ о декорацияхъ и обстановкѣ. Въ этой области дирекція Porte St. Martin совершила чудеса. Всѣ четыре декорации (птичій дворъ фермы, вершина дерева, огородъ и лѣсъ) — это чудо искусства, такъ же какъ и костюмы. Всѣ предметы, окружающіе дѣйствующихъ лицъ, были пропорціональны ихъ росту, такъ что иллюзія получалась полная: пѣтухъ (Гитри) имѣлъ 2 метра роста и 3 метра отъ головы до хвоста; и все соответственно: клѣтка скворца — 4 метра высоты; крестьянскій деревянный башмакъ — 1½ метра длины; собачья конура имѣла 2 метра высоты; дыня на огородѣ — метръ въ діаметрѣ; птичье пугало на томъ же огородѣ — 6 метровъ высоты и т. п.

Особенно великолѣпна была вторая картина — заговоръ ночныхъ птицъ; посредствомъ особаго приспособленія глаза ихъ свѣтились электричествомъ, и зрѣлище было дѣйствительно чрезвычайно эффектное. Что касается пьесы, то лучшимъ послѣ пролога надо признать второе дѣйствіе — заговоръ ночныхъ птицъ; по богатству языка, по фантастичности — эта сцена достойна Шекспира.

Меньше всего понравилось публикѣ 3 дѣйствіе — пріемъ у цесарки; оно очень длинное и дѣйствительно скучное съ точки зрѣнія театра. Но, какъ карикатура на свѣтскіе пріемы дамъ высшаго общества, окружающихъ себя поэтами-декадентами и артистами-неудачниками, этотъ пріемъ у цесарки слѣдуетъ признать очень удачною пародіей. И въ стоящемъ посрединѣ павлинь съ распушеннымъ хвостомъ вся публика

безъ всякаго труда узнала поэта-декадента графа М., вдохновлявшагося нѣсколько мѣсяцевъ ногами Иды Рубинштейнъ и посвятившаго ей оду въ „Figaro“.

Что касается игры артистовъ, то ея не существовало. Пьеса была обставлена лучшими артистическими силами, какія только можно собрать въ Парижѣ: пѣтуха игралъ Гитри; фазанью самку — г-жа Симонъ; цесарку — г-жа Леришъ; соловья — г-жа Мелло; скворца — Галипо и т. д.

Но фантастическіе костюмы птицъ, въ которые они были облечены, парализовали всякую артистическую индивидуальность, и публика гораздо внимательнѣе слѣдила за текстомъ, чѣмъ за игрой артистовъ. „Шантеклеръ“, несомнѣнно, не является лучшей пьесой Ростана; въ смыслѣ цѣльности, выдержанности „Сирано“ стоитъ гораздо выше. Желая написать буффонаду, Ростанъ вставилъ массу каламбуровъ; вся роль, напримѣръ, скворца построена на каламбурахъ; есть нѣсколько очень удачныхъ и прекрасныхъ по формѣ, но очень много зато вульгарныхъ и недостойныхъ гениальнаго поэта. Это избыліе каламбуровъ дѣлаетъ, между прочимъ, пьесу совершенно непереводимой на какой бы то ни было другой языкъ. Лучшія мѣста пьесы — это, какъ мы уже упоминали, прологъ и знаменитый „Гимнъ къ солнцу“, который, несомнѣнно, очень скоро станетъ классическимъ. Чудной послѣдней строфой этого гимна мы и закончимъ нашу корреспонденцію:

Je t'adore, Soleil! Tu mets dans l'air des roses,
De flammes dans la source, un dieu dans le buisson!
Tu prends un arbre obscur et tu l'apothéoses!
O Soleil! Toi sans qui les choses
Ne seraient que ce qu'elles sont!

В. А. Бинштонъ.

Парижъ,
6 февраля 1910 г.
24 января 1910 г.

Столѣтняя годовщина дня рожденія Шопена.

Столѣтнюю годовщину дня рожденія Шопена подѣ Варшавой, въ мѣстности Желѣзная Воля, — 9 февраля готовятся въ Варшавѣ ознаменовать рядомъ музыкальных торжествъ, которыя будутъ продолжаться весь 1910 годъ. Этотъ годъ будетъ отличаться особеннымъ обиліемъ концертовъ, посвященныхъ памяти Шопена. Организацию этихъ концертовъ принялъ на себя кружокъ здѣшнихъ музыкальных дѣятелей, объединившихся специально съ этой цѣлью.

Вѣковой юбилей своего великаго композитора поляки рѣшили, кромѣ того, ознаменовать устройствомъ въ Варшавѣ перваго большого съѣзда польскихъ музыкальных дѣятелей всего свѣта, а также шопеновской выставкой. О желаніи прибыть въ Варшаву на шопеновскія торжества заявилъ знаменитый пианистъ Падеревскій, который выступитъ здѣсь съ специально-шопеновскимъ концертомъ.

9-го февраля, въ день юбилея, утромъ состоится торжественное богослуженіе въ костелѣ, съ участіемъ оперныхъ артистовъ, а вечеромъ — большой шопеновскій концертъ въ залѣ мѣстной Филармоніи.

Театръ Незлобина.

Анфиса (г-жа Рощина-Инсарова) и Костома-ровъ (г. Бѣлгородскій).

Анфиса — Я люблю тебя, я люблю тебя! Ой, обними меня!
Ой крѣпче, крѣпче обними меня!

Шаржъ Д. Мельникова.

Москва.

31-го января М. П. Ермолова впервые выступила въ 5-мъ десятилѣтіи своей артистической дѣятельности. Согласно желанію маститой артистки была поставлена пьеса Островскаго „Дмитрій Самоубица“ и Василій Шуйскій“. При появленіи М. П. сѣ была устроена шумная овація и поднесена корзина сирени. Изъ ложъ ее осыпали цвѣтами.

— Театральное общество предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ ввести такъ называемые „мѣстные отдѣлы“, которые объединяли бы на мѣстахъ членовъ общества и составляли мѣстныя ячейки. Первый шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ совѣтомъ общества: въ Кіевѣ на дняхъ учрежденъ мѣстный комитетъ для выдачи пособій изъ ссуды. Комитетъ будетъ состоять изъ представителей всѣхъ кіевскихъ труппъ и уполномоченнаго совѣта театральнаго общества. Фондъ комитета составится изъ отчисленій 25 процентовъ съ чистаго сбора со спектаклей, устраиваемыхъ въ Кіевѣ въ пользу театральнаго общества. Такой спектакль въ нынѣшнемъ году далъ около 4,000 руб. чистаго сбора.

— По слухамъ, Л. В. Собинновъ поставилъ дирекціи казенныхъ театровъ условіе при возобновленіи контракта: 26 тысячъ годового оклада и 2 мѣсяца отпуска въ теченіе сезона.

— Л. В. Собинновъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ на Марининской сценѣ состоится 9 гастролей съ его участіемъ.

— Первое представленіе оперы „Валькирія“, предполагавшееся въ Большомъ театрѣ въ концѣ февраля, переносится на вторую недѣлю поста.

— Въ совѣщаніи представителей города съ представителями Императорскихъ театровъ, во главѣ съ Н. К. фонъ-Боолемъ, рѣшено, что парадный спектакль для пріѣзжающихъ французскихъ гостей состоится 10 февраля въ Большомъ театрѣ; онъ будетъ сборный: въ него войдутъ отрывки драмы, оперы и балета; въ спектакль будетъ участвовать М. Н. Ермолова.

— Е. В. Гелицеръ уѣхалъ въ четвергъ, 4-го февраля, на гастроль въ Кіевъ.

— В. А. Каралли больна, у нея воспаленіе почечныхъ лоханокъ; при изслѣдованіи у нея обнаружены бѣлоки. Въ среду въ „Саламбо“ партію Танитъ вмѣсто нея танцовала г-жа Базашова.

— Начальникъ канцеляріи министерства Двора ген. Мосоловъ официально увѣдомилъ солистку Ея Величества Долину, что 23 января послѣдовало Высочайшее повелѣніе на увеличеніе размѣра ея пожизненнаго пособія изъ кабинета Ея Величества съ 2,500 руб. до 3 тыс. руб. въ годъ.

— Очередными новинками на сценѣ Малаго театра пойдутъ: „Старый обрядъ“ 10-го февраля, и „Свадьба Фигаро“ 16-го февраля.

В. А. Каралли—въ роли богини Танитъ въ „Саламбо“.

Шаржъ R.

— Вступленіе Марджанова въ труппу Художественнаго театра въ качествѣ режиссера окончательно рѣшено; надняхъ будетъ подписанъ контрактъ.

— Извѣстный реформаторъ режиссеръ Гордонъ Крэгъ пріѣзжаетъ въ Москву. Репетиціи „Гамлета“ начнутся съ половины февраля.

— Для основанія пенсіоннаго фонда артисты Художественнаго театра устраиваютъ на первой недѣлѣ Великаго поста „капустникъ“, на который плата за входъ назначена 25 рублей. Капустникъ состоится въ помѣщеніи Художественнаго театра и въ немъ примутъ участіе всѣ артисты этого театра.

— Въ Художественномъ театрѣ выяснилось распредѣленіе главныхъ ролей въ „Misere“ Юшкевича. Роль Тины играетъ Коонегъ, Маріамъ—Коренева, Левки—Болеславскій и Эли—Горевъ.

— Композиторъ г. Рахманиновъ, закончившій свое концертное турнѣ по Америкѣ, возвратился въ Россію и 6 февраля выступаетъ въ Петербургѣ въ концертѣ Зилотти—и какъ солистъ, съ исполненіемъ своего послѣдняго 3-го фортепіаннаго концерта, и какъ дирижеръ. Подъ управленіемъ г. Рахманинова пойдетъ его послѣднее оркестровое сочиненіе, — симфоническая поэма „Островъ смерти“.

— 7-го февраля въ залѣ Благороднаго собранія состоится симфоническій концертъ подъ управленіемъ В. И. Сафонова. Оркестръ исполнитъ между прочимъ симфоническую поэму Чайковского „Мацпедь“, солисткой концерта В. И.

Скрябиной исполненъ будетъ концертъ Скрябина съ сопро-вожденіемъ оркестра.

— „Домъ пѣсни“ объявитъ на-дняхъ два новыхъ конкурса. На соисканіе преміи въ 400 р. предлагается переводъ 12 романсовъ М. П. Мусоргскаго на нѣмецкій языкъ. Предметомъ другого конкурса является сочиненіе аккомпанемента для семи народныхъ мелодій. Премія по этому конкурсу назначена въ 500 руб. Срокъ перваго конкурса — 15 сентября 1910 г., втораго—1 октября 1910 г.

— Артистъ оперы Зимина г. Дамасевъ въ скоромъ времени ѣдетъ въ Петербургъ къ директору Императорскихъ театровъ г. Теляковскому съ просьбой о томъ, чтобы дирекція не взыскивала съ него неустойки. На лѣто г. Дамасевъ приглашается въ Кисловодскій театр на рядъ гастролей.

— Оправившаяся послѣ болѣзни артистка г-жа Люше выступила съ большимъ успѣхомъ въ театрѣ Зимина въ оперѣ „Манонъ“ 3-го февраля.

— Антрепренерамъ г.г. Дума и Валентинову удалось заключить контрактъ съ знаменитымъ пѣвцомъ Каруссо. Спектакли Каруссо состоятъ постомъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Пѣвецъ будетъ получать 5 тысячъ въ вечеръ.

— Въ здоровьѣ заболѣвшей оспой В. Ф. Коммиссаржевской по полученнымъ свѣдѣніямъ наступило улучшеніе.

— Въ будущемъ сезонѣ въ Маломъ театрѣ пойдетъ пьеса Гнѣдича „Передъ зарей“.

— Французскіе антрепренеры-предприниматели ведутъ въ настоящее время въ Петербургѣ переговоры съ дирекціей Императорскихъ театровъ о постановкѣ на казенной сценѣ въ Москвѣ и Петербургѣ столь шумѣвшей новой пьесы Э. Ростана „Chanteclair“ при полномъ парижскомъ ансамблѣ.

Сорганизовавшееся изъ остатковъ труппы Лебедева товарищество подъ управленіемъ г. Козловскаго начинаетъ свои спектакли 6 февраля. Пойдетъ „Запорожецъ за Дунаемъ“. Приглашены на гастроль артисты труппы Манько. Изъ нихъ прибыли уже г-жа Ливаковская, которая выступитъ въ первый разъ въ „Паннѣ Штукаркѣ“, бастъ г. Матюшенко и г. Романенко (характерныя роли). Всѣ они прежніе артисты труппы Садовскаго. Кромѣ того, приглашенъ на гастроль сынъ В. А. Дурова, В. В. Дуровъ, съ его дрессированными животными.

Пріѣздъ въ Москву извѣстной французской артистки Режанъ ожидается на Оомпной недѣлѣ. Передъ Россіей Режанъ постѣптъ скандинавскія страны и Финляндію, а въ Россіи начнетъ гастроль съ Петербурга. Въ случаѣ если на третью или на пятую недѣлѣ Великаго поста въ Москвѣ окажется свободный театръ, подходящий для труппы Режанъ, то она начнетъ свои гастроль съ Москвы и уже затѣмъ пройдетъ въ сѣверныя страны.

Привѣтствія М. Н. Ермоловой.

М. Н. Ермолова категорически отказалась отъ чествованія 40-лѣтія ея сценической дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе въ день юбилея съ часу дня у дверей ея квартиры стали раздаваться звонки: то хотѣли лично поздравить М. Н. городской голова Н. И. Гучковъ, управляющій конторой Императорскихъ театровъ фонъ-Боолъ, Нелидовъ, Воборыкинъ, Александровъ и много другихъ.

Изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ М. Н. приняла только П. Д. Воборыкина.

Труппа Малаго театра прислала своему великому товарищу цвѣты и телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Дорогая Марія Николаевна. Мы не можемъ отказаться отъ радости принести вамъ сегодня нашу сердечную любовь, нашу сердечную дружбу и наши горячія пожеланія силъ и здоровья на счастье нашего дорогаго театра.“

„Будьте сильны и добры неизмѣнно, какъ неизмѣнна къ намъ любовь наша. Ваши товарищи.“

Прислала телеграмму и больная Гликерія Николаевна Федотова:

„Сорокъ лѣтъ вашъ могучій талантъ былъ славой Россіи. Не покидайте сцены. Каждый годъ вашей сценической дѣятельности — радость и счастье для всѣхъ, истинно любящихъ искусство.“

„Вѣрѣе великой любви вашей старушки Гликеріи Федотовой“.

Отъ красы петербургской сцены, М. Г. Савиной:

„Гордости русской сцены визкій поклонъ отъ М. Г. Савиной“.

Художественный театръ прислалъ цвѣты въ двухъ изящныхъ фарфоровыхъ вазахъ и адресъ.

На желтоватомъ листѣ съ маркою Художественнаго театра напечатано:

„Дорогая Марія Николаевна! Безконечно счастливы привѣтствовать Васъ со всей искренностью нашей любви и преданности.“

Скромно слѣдуемъ за Вами*...

Адресъ покрытъ подписками артистовъ театра.

„Всѣ наши помыслы сегодня съ Вами, великая краса, слава и гордость нашей сцены и жизни.

Императорская с.-петербургская драматическая труппа.*

Кромѣ того, получены телеграммы отъ Незлобина и его театра: отъ театра Горша, Муромцевыхъ, отъ московскаго отдѣленія литературно-театральнаго комитета, отъ Н. В. Давыдова, Садовскихъ, вдовы Музили, Крутиковой, Корсова и многихъ другихъ.

О. А. Правдинъ и Е. К. Лешковская прислали цвѣты.

Получена масса писемъ, между которыми выдѣляется своимъ горячимъ поклоненіемъ, необыкновенной искренностью письмо А. Яблочкина.

„Ты должна гордиться, что играешь на одвѣхъ подмосткахъ съ Ермоловой! Если она терпѣла, то тебѣ и Богъ велѣлъ“—пишетъ, между прочимъ, о себѣ А. Яблочкинъ.

Вечеромъ къ М. П. собрались ея интимные друзья и знакомые.

Въ союзѣ сценическихъ дѣятелей.

Какъ извѣстно, при союзѣ сценическихъ дѣятелей образована особая коммиссія по разработкѣ попросовъ народнаго и сельскаго театра. Инициаторы этого полезнаго начинанія констатируютъ тотъ повышенный интересъ къ театру, который ощущается массой. Время дѣйствительно теперь таково, что слѣдуетъ серьезно подумать о театрѣ, удовлетворяющемъ вкусы и художественныя потребности народа. Среди руководителей двухъ самыхъ значительныхъ народныхъ театровъ въ провинціи — Пензенскаго (существуетъ уже 15 лѣтъ) и Рыбинскаго—возникла мысль въ ближайшемъ будущемъ созвать съѣздъ дѣятелей народныхъ театровъ. Предполагается организовать съѣздъ въ Москвѣ.

Инициатива этого крайне важнаго и вѣсело необходимаго дѣла принадлежитъ Д. С. Волкову, вотъ уже 15 лѣтъ стоящему во главѣ Пензенскаго драмат. кружка народнаго театра, создавшаго одно изъ лучшихъ лѣтнихъ дѣлъ.

— На четвертой недѣлѣ В. поста состоится обычный съѣздъ уполномоченныхъ мѣстныхъ отдѣловъ союза. Въ настоящее время центр. правленіе намѣчаетъ главные пункты программы засѣданій.

Уполномоченные рассмотреть проекты измѣненій въ уставѣ союза и договорѣ союзныхъ предпріятій. Кромѣ того, предстоятъ выборы на новое трехлѣтне центральнаго правленія и наблюдательнаго комитета.

— На состоявшемся недавно общемъ собраніи членовъ мѣстнаго—Московского—отдѣла состоялись выборы (дополнительные) комитета отдѣла. Президіумъ сформированъ такъ: председатель-старшина — В. В. Чарскій, казначей А. Б. Якуловъ, секретари Я. А. Розенштейнъ и Ю. В. Соболевъ.

Ю. С.

Театръ Корша. Театръ Корша прошелъ полный кругъ—началъ „Дѣтми Ванюшина“ и, пройдя черезъ „Дѣтей XX вѣка“ Смурскаго, пришелъ къ „Дѣтямъ“ г. Крашенинникова.

Но при этомъ приходится констатировать, что съ прежними „дѣтми“ г. Коршу везло больше, чѣмъ съ дѣтми новѣйшей формации.

И въ этомъ отношеніи „Дѣти“ г. Крашенинникова мало чѣмъ превосходятъ „дѣтей“ г. Смурскаго.

Хотя пьеса Крашенинникова много литературнѣе пьесы г. Смурскаго, но какъ пьеса, какъ театральное зрѣлище она ничтожна.

Пестрые обрывки жизни, подобранные совершенно случайно, два десятка „типовъ“, безчисленное количество намековъ на событія послѣднихъ лѣтъ—все это еще не дѣлаетъ пьесы.

Выведенные на пестромъ фонѣ быта два романа — маленькой, нѣжной Таси и писателя, стоящаго „надъ жизнью“, и студента, брата писателя, влюбленнаго въ ту же Тасю, слишкомъ эскизные и совершенно лишены всякой психологіи.

Даже людей живыхъ нѣтъ въ пьесѣ — есть маріонетки, сдѣланныя по трафарету, съ наклеенными ярлычками—„помѣщикъ, дуракъ и ретроградъ“, „смѣлый юноша съ стальными когтями“, „негодяй, губернаторскій чиновникъ“ и т. п.

Приводятся въ движеніе эти маріонетки весьма грубо притѣланными ниточками, и рука автора видна все время.

Въ результатѣ нѣтъ остроты въ трактовкѣ вопроса объ „отцахъ и дѣтяхъ“—онъ взятъ очень трафаретно и плоско.

Нѣтъ глубины и психологіи въ любви, нѣтъ красокъ и наблюдательности въ бытѣ.

Интрига расписывается искусно съ ненужными отступлениями.

Современности отдается дань въ видѣ пошлыхъ намековъ, а естѣ вѣщи, о которыхъ надо писать или все или ничего.

Въ общемъ еще одна пьеса, которая быстро украситъ театральныя архивы.

Играютъ ее у Корша сумбурно.

Очень хорошъ г. Борисовъ, дающій сочный, яркій жанръ.

Очень мила г-жа Буткова. Безвѣтна г-жа Жихарева.

Г. Чаринъ изнываетъ подъ потокомъ громкихъ фразъ.

Г. Ашанинъ притворяется, что мучится надъ мировыми вопросами, хотя по молодости лѣтъ ему бы хотѣлось попрыгать и порѣзвиться.

Типично играютъ г-жа Бурдина и г.г. Смурскій, Кригеръ, Гольбе, Войнаровский.

Поставлена пьеса по Коршевски съ грубыми декораціями и лубкомъ.

Авторъ усиленно выходилъ кланяться, съ большимъ чувствомъ достоинства заслоняя актеровъ.

Льв.

Ф. А. Ошустовичъ.

(Къ 20-лѣтію сценической дѣятельности).

Феликсъ Антоновичъ Ошустовичъ получилъ музыкальное образованіе въ Одессѣ у Кравцова и кромѣ того учился живописи въ Одесской Рисовальной школѣ. Обладая такимъ образомъ еще талантомъ художника, Ф. А. избралъ карьеру пѣвца, которую началъ въ Кіевѣ въ 1890 г. въ товариществѣ подъ управл. Прянишниковъ.

Дебютировалъ онъ въ „Трубадурѣ“ (Манрино). За 20 лѣтъ своей дѣятельности Ф. А. пришлось исполнять почти весь теноровый репертуаръ (болѣе 50-ти). Маститый артистъ отличается музыкальностью и продуманнымъ исполненіемъ своихъ ролей.

Чайковский, Р.-Корсаковъ неоднократно лично выражали ему свою признательность за исполненіе труднѣйшихъ партій изъ оперъ.

„Живые-мертвые“ Я. Будищева.

(Къ предстоящей постановкѣ.)

А. Будищевъ—блестящій уже съ довольно длиннымъ и почтеннымъ прошлымъ—какъ драматическій авторъ выступаетъ чуть ли не впервые, во всякомъ случаѣ съ первой большой вѣщью. И этотъ „первый блинъ“ вышелъ далеко не „комомъ“. Готовящаяся сейчасъ къ постановкѣ на сценѣ Малаго театра пьеса „Живые-мертвые“ („Старый обрядъ“), несмотря на сказывающуюся въ ней неопытность автора, какъ драматурга, представляетъ собою вещь сильную и очень интересную. Серьезно, продуманно, и видимо, глубоко прочувствованное идейное содержаніе, дѣйствіе и при чтеніи часто захватывающее своимъ развитіемъ, ярко очерченные характеры—вотъ большія и несомнѣныя достоинства пьесы.

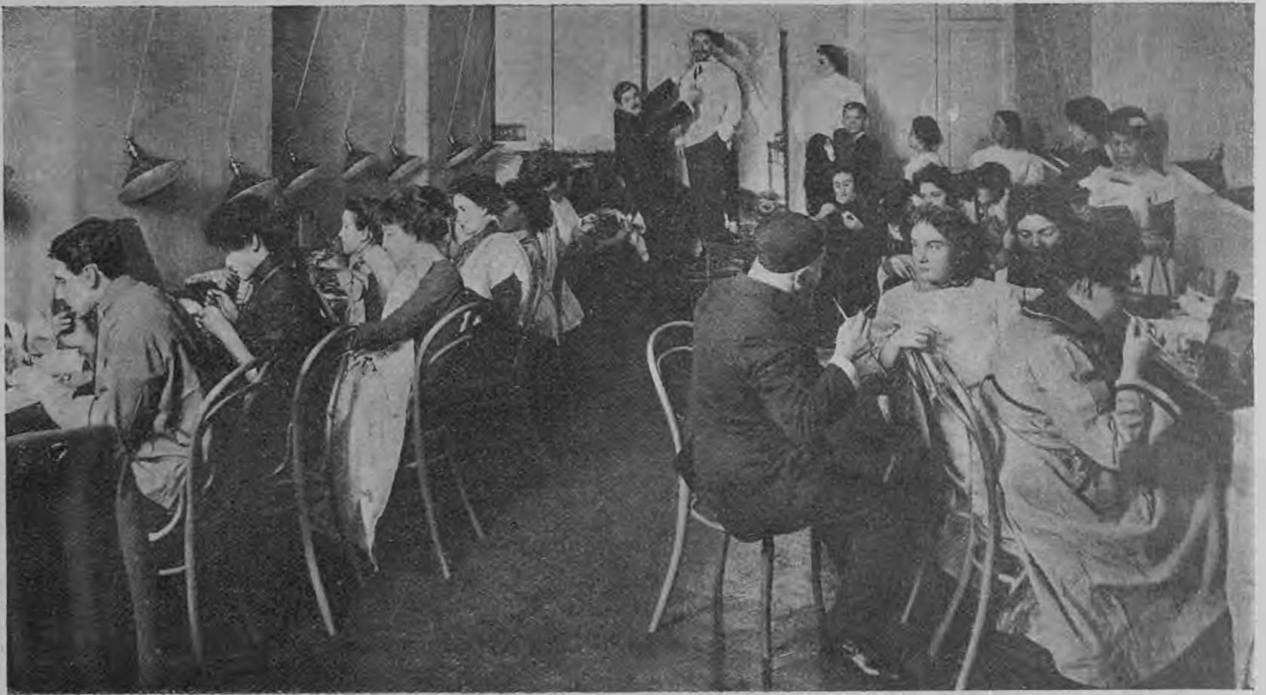
Въ основѣ дѣйствія—драма личная, семейная. Нѣкто Опалихинъ живетъ съ женой своего друга Кондарева. Но не какъ мужъ и любовникъ, а какъ представители двухъ мировоззрѣній сталкиваются Кондаревъ и Опалихинъ. Въ душѣ Кондарева, вышедшаго изъ старообрядческой семьи (отсюда и

Ф. А. Ошустовичъ.

(Къ 20-лѣтію сценической дѣятельности.)

Петербургъ. Театральная школа А. П. Петровскаго, А. А. Санина, С. Яковлева и И. Ф. Шмидта.

Классъ гримма подъ руководствомъ гг. Петровскаго и Тарскаго.

второе заглавіе пьесы „Старый обрядъ“, хотя дѣло тутъ не въ „обрядѣ“, а въ складѣ психики, скорѣе въ „старомъ закатѣ“...) живетъ страстная жажда оправданія жизни высшими цѣнностями. Его предки не боялись „вотъ это вотъ тѣло, вотъ эту вотъ падалъ смрадную всей ногой попить“. И людей въ гору звали, къ самому солнцу! У ангеловъ передъ Богомъ первенство Кондаревъ оспаривали“. Теперешній Кондаревъ потерялъ старую вѣру, но старый ригористическій духъ предковъ не умеръ въ немъ. Въ борьбѣ противъ своего друга-врага Опалихина Кондаревъ воспринимаетъ заповѣди опалихинской „религійшки“, которыхъ онъ выводитъ изъ опалихинскихъ рѣчей четыре: 1) „въ борьбѣ все пути открыты“, 2) „стыдиться надо только глупости“, 3) „нехорошо для всякаго, да вкусно для Якова“, 4) „толкать падающаго на-прасная трата энергій“. Но *сердцемъ* своимъ Кондаревъ „религійшки“ этой не принимаетъ и самъ себя презираетъ за то, что противъ Опалихина опалихинскимъ же оружіемъ борется. И, готовясь къ добровольной смерти, Кондаревъ обращается къ грядущему поколѣнію: „Придите вы, сильные, свѣтлые и бодрые, зодчіе и каменщики и восстановите смыслъ и цѣль, стертыя высохшей мыслью!.. Да исполнятся замыслы ваши!“ Мировоззрѣніе Опалихина выясняется изъ вышеприведенныхъ заповѣдей его „религій“—а Опалихина его послѣдователи и почитатели вѣрять ридятъ въ пророка и проповѣдника новой религій. Жизнь для личнаго счастья, какъ можно больше радости—вотъ его девизы. „Я признаю лишь разумъ и провозглашаю личное хотѣнье человѣка за священный законъ жизни“,—говоритъ Опалихинъ. „А я,—отвѣчасть ему Кондаревъ,—отвергаю мое личное хотѣнье во имя будущаго царства красоты и справедливости и говорю: умирающіе ради будущаго есть истинные живые, а живущіе лишь для себя есть самые настоящіе мертвецы“. Отсюда, замѣтимъ, и заглавіе пьесы—„Живые—мертвые“.

Каждое изъ остальныхъ лицъ пьесы также имѣетъ вполне опредѣленную, ярко очерченную фizioномію и все они такъ или иначе группируются вокругъ этихъ центральныхъ фигуръ. Тутъ и двѣ старухи—одна хранительница кондаревской традиціи, другая же „оппортунистка“, собирающаяся передъ смертью покаяться, а пока въ пей „хоть единая косточка молодца“, братъ отъ жизни „свое“. Тутъ и прокутившійся bon-vivant Столбунцевъ, который, развивая до конца мысли Опалихина, спрашиваетъ: почему же въ жизненной борьбѣ обязательно долженъ побѣждать сильнѣйшій и умнѣйшій, а не нахальнѣйшій? Опалихинъ выше всего чтитъ логику и разумъ, для него и любовь разумна, такъ какъ „удваиваетъ человѣческую энергію и производитъ на свѣтъ новыхъ рабочихъ“. А для его адептки Ложбинной—„любовь просто инкантиное пропосиствіе, фарсъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ“. Сожителъ Ложбинной—„типичный юноша-альфонсъ“—Миша Лебедевъ пишетъ „декадентскіе стихи“, гдѣ возглашаетъ: „Боже, какъ велики небеса и я“... Наконецъ, межъ двухъ

лагерей терзается и борется сама съ собой жена Кондарева, Татьяна. Она и любитъ Опалихина и вѣрить первое время, что онъ „новый пророкъ новой религій“, но и хочетъ выйти на дорогу „свѣтлую, свѣтлую... чистую, чистую... безъ одного облачка, безъ одного пятнышка...“.

Въ общемъ, повторяемъ, пьеса содержательная, яркая и можетъ дать богатый матеріалъ какъ для актеровъ-исполнителей, такъ и для режиссера.

А.

Изъ Ахри де Рехье.

Образъ.

*Нѣтъ, пусть другимъ заря несетъ печаль утраты
О невозвратности минувшаго вчера.*

*Для насъ съ тобой еще дрожатъ въ часы утра
Увидшихъ сумерекъ живые ароматы.*

* * *

*Не видѣла ли ты, какъ въ насъ рожденный богъ
Вставалъ изъ нашихъ тѣлъ изъ нѣдръ души влюбленной*

*И молча покидалъ темнѣющій порогъ,
Встрѣчая ясный день улыбкой просвѣтленной.*

* * *

*Эротъ, дай силу намъ твоихъ прекрасныхъ ногъ,
Чтобъ цѣлый день блуждать въ коврахъ травы зеленой!..*

*Но только вечеромъ въ нашъ образъ воплощенный
Проникни къ намъ опять въ таинственный порогъ.*

* * *

*Ты намъ даруешь дни, въ которыхъ познаемъ мы
Твой пылъ, красу твою, могущество твое...
И въ бликахъ осени отсвѣтятъ водоемы
Въ единомъ образъ двойное бытіе.*

Н. Т.

Сем. Юшкевичъ—асемитъ.

Петербургъ. Малый театръ.

Въ „Кіевскихъ Вѣстяхъ“ напечатано письмо нѣкого г. Мандельберга съ рѣзкими обвиненіями въ „асемитизмъ“, направленными по адресу Сем. Юшкевича. Приводимъ отрывки изъ этого любопытнаго письма:

Самъ г. Юшкевичъ говоритъ,—пишетъ Мандельбергъ,—„милліоны людей этого страннаго, непохожаго на другихъ народовъ народа,— народа, пережившаго величайшія катастрофы духа, разсѣяній“—Я только въ этой фразѣ измѣню прошедшее время въ настоящее и задамъ такой вопросъ г-ну Юшкевичу: долженъ ли, или даже вѣрнѣе, можетъ ли еврей-художникъ, пишущій о всемъ народѣ и для своего народа, переживающаго величайшія катастрофы духа и разсѣянія, высмѣивать невѣрность даже не его женъ, а женъ маленькой крупицы его (Комедія брака), эксплуатацию его единичныхъ фабрикантовъ (Король), жестокость нѣкоторыхъ его матерей (Въ городѣ).

А если мыслящій, интеллигентный еврей не видитъ, не познается, не бьетъ въ набатъ отъ всѣхъ ужасовъ жизни этихъ милліоновъ, то я его въ правѣ назвать асемитомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вспомните только всѣ тѣ ужасные бичи и скорпіоны, которые терзаютъ этотъ „странный“ (другого выраженія г. Юшкевичъ не нашелъ) народъ. Его лишаютъ свободы передвиженія, лишаютъ права говорить на родномъ языкѣ, права работы, свѣта науки, права принимать участіе въ гражданской и политической жизни. Собрать сколько зла, какое разложеніе это вызываетъ въ народномъ организмѣ, сколько язвъ и гнойниковъ появляется на немъ—тѣ этого лишены свѣта и воздуха, а вы всего этого не видите, вы этого не воспринимаете и не воспроизводите дарованнымъ вамъ талантомъ, а являетесь къ нему и рассказываете о томъ, что жены его богачей измѣняютъ мужьямъ, заводятъ себѣ любовниковъ и дѣлаютъ себѣ абортъ...

Послѣ ужасовъ погромовъ, когда у этихъ милліоновъ разрушали дома, убивали дѣтей, насиловали женъ и дочерей, вколачивали гвозди въ черепъ стариковъ, рвали и оскверняли священные свитки—единственное богатство народа, вынесенное имъ изъ отчины черезъ потоки крови и костры ликвидациіи—вы на все это реагируете своимъ „Королемъ“, съ высмѣиваете богатаго фабриканта. Вотъ какъ вы переживаете „катастрофы духа и разсѣянія этихъ милліоновъ“.

Когда смотришь ваши пьесы на сценѣ, то не знаешь, чего тутъ больше: сатиры нравовъ, понятій, переживаній или шаблоннаго осмѣиванія еврейскаго носа, еврейско-русской рѣчи, еврейской жестикуляціи—а, вѣдь, это прерогатива нѣкоторыхъ антисемитскихъ листовъ и рассказчиковъ анекдотовъ изъ еврейской жизни...

Вотъ что говоритъ нѣкоторая часть публики, и я имѣю смѣлость сказать, что не безъ основанія.

И такъ, не вдаваясь въ художественную критику вашей пьесы, такъ какъ ей не мѣсто въ письмѣ, а касаясь только ея общественнаго значенія, я скажу, что въ интеллигентной, національно-чувствующей и національно-мыслящей части еврейства она вызываетъ чувство боли и огорченія за вашъ асемитизмъ, въ другой части еврейства чувство негодованія за антисемитскую постановку пьесы, а въ нѣкоторой части русскаго общества чувство злорадства.

Вотъ къ чему приводитъ васъ ваша художественная правда!

Л. Е. Мандельбергъ.

Письма въ редакцію.

(по телеграфу).

Просимъ напечатать слѣдующее въ „Театрѣ и Искусствѣ“ печатаются корреспонденціи изъ Ростова Б. Камнева. Свидѣтельствуемъ, что Камневъ въ театрѣ не бываетъ. Комментаріи излишни. Артисты труппы Соболевскаго-Самарина: Агарина, Ангаровъ, Богдановская, Богдановскій, Башиловъ, Владимировъ, Волковъ, Голодкова, Галицкій, Гончаровъ, Драницынъ, Динскій, Донская, Ивановъ, Колишевская, Кодрѣ, Крамольниковъ, Македонская, Миронова, Мишанинъ, Муромцевъ, Ордонъ, Писарева, Поповъ, Раевская, Райская первая, Райская вторая, Разсказова, Рыбниковъ, Снарская, Семеновскій, Славатинская, Соколовская, Шувалова, Чертовъ, Янковская. Удовѣряю и свидѣтельствую подлинность подписей. Уполномоченный Театральнаго Общества Файль (одновременно телеграфируемъ въ „Театрѣ и Искусствѣ“).

Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ.

Въ Среда, 10-го февраля 1910 года, исполняется 25 лѣтъ литературно-театральной дѣятельности Леонарда Леонардовича Пальмского.

В. А. Миронова въ роли королевы Марго.

(„Генрихъ Наваррскій“.)

Рис. П. Шмарова.

Въ этотъ день состоится бенефисъ его въ театрѣ „Зимній Буффъ“.

Лица, желающія тѣмъ или другимъ образомъ почтить юбилей-бенефицианта, благоволятъ присылать письма, телеграммы и т. п. на имя Александра Семеновича Полонскаго, Главнаго Режиссера театра „Зимній Буффъ“, Адмиралтейская набережная, 4. С.-Петербургъ.

Комитетъ.

Петербургъ.

Въ Александринскомъ театрѣ прошла пьеса П. П. Гнѣдича „Передъ зарей“; г. Гнѣдичъ выбралъ канвой своихъ историческихъ картинъ эпизодъ вполне случайный и совершенно не характерный для изображаемаго имъ историческаго момента.

Единственная историческая личность въ пьесѣ — гр. Аракчеевъ, вся „историчность“ котораго сведена къ тому, что онъ сперва докладываетъ свою біографію, а затѣмъ — сущность своихъ законодательныхъ мѣропріятій и прожектовъ, извѣстныхъ даже изъ курса г. Иловайскаго.

Пьеса растянута и скучна, и если бы не нѣкоторые развлекательныя сцены, живо проведенныя, въ особенности гг. Петровскимъ и Лерскимъ, то скука висѣла бы надъ театральнымъ заломъ прямо зеленая.

Исполненіе было неровное и неодинаковаго достоинства. Г-жа Савина (Дубецкая) сдѣлала, что могла, изъ своей большой, но педающей или историческаго типа, ни опредѣленнаго характера роли.

Хороши были г-жи Шаровьева (сумасшедшая дѣвница) и Потоцкая (Котикъ).

Г. Давыдовъ (отставной савоиникъ Дубецкій) повторилъ себя.

Г. Юрьевъ (Аристидъ) былъ декоративно-изященъ, но, если можно такъ выразиться, мало убѣдительно въ роли крѣпостника-карьериста и стяжателя, не останавливающагося ни передъ какими средствами.

Г. Далматовъ (графъ Аракчеевъ) далъ почти хорошия гримы.

Въ изображеніи г. Петрова вольтеріанецъ Бакулинъ казался скорѣе какими-то заводнымъ манекеномъ, чѣмъ гвардейскимъ полковникомъ, которому, по вѣдному, суждено впоследствии сыграть роль въ движеніи декабристовъ.

Прекрасно исполнили свои роли гг. Петровский (шут) и Лерский (Хмыров).

Декорации и костюмы заслуживают похвалы.

Автора вызвали послѣ третьяго акта.

— Изъ Сухума получено извѣстіе о кончинѣ тамъ бывшаго режиссера Александринскаго театра М. Е. Евгеньева (Филимонова).

Покойный началъ службу на Александринской сценѣ въ 1890 году, въ качествѣ помощника главнаго режиссера П. М. Медвѣдева, который и привезъ его съ собой изъ провинціи.

Еще мальчикомъ М. Е. Евгеньевъ служилъ у П. М. Медвѣдева въ Казани и другихъ провинціальныхъ городахъ.

Когда должности главнаго режиссера Александринскаго театра перешла отъ П. М. Медвѣдева къ Е. П. Карпову, Евгеньевъ продолжалъ оставаться режиссеромъ и былъ дѣятельнымъ помощникомъ Карпова.

Петербургъ. Малый театръ.

Б. С. Глаголинъ въ роли Генриха Наваррскаго.

(„Генрихъ Наваррскій“).

Рис. П. Шмарова.

Въ 1900 г. Е. П. Карповъ ушелъ изъ Александринскаго театра, и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ оставилъ службу М. Е. Евгеньевъ, такъ какъ не могъ примириться съ введеніемъ системы „очередного“ режиссерства.

Онъ поступилъ къ провинціальному антрепренеру П. П. Медвѣдеву, сыну покойнаго П. М. Медвѣдева, и былъ съ нимъ въ Владимікавказѣ, Царицинѣ, а послѣдніе годы—въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Покойный оставилъ по себѣ память какъ о честномъ, незлобивомъ, добросовѣстномъ труженикѣ.

— Въ Императорскомъ театральномъ обществѣ въ настоящее время поднятъ вопросъ о новомъ уставѣ, который и будетъ переданъ на разсмотрѣніе съѣзда делегатовъ труппъ, созымаемаго посломъ въ Москвѣ. Съѣзду придется высказаться по дѣламъ измѣняемымъ параграфамъ устава. Труды съѣзда будутъ направлены потомъ въ Петербургъ, на разсмотрѣніе комиссіи по разработкѣ устава при совѣтѣ театральнаго общества. Въ совѣтѣ общества въ скоромъ же времени будетъ разсматриваться проектъ г. Владимірова объ организаціи взаимнаго страхованія сценическихъ дѣятелей на случай болѣзни.

— Постановка мольеровскаго „Мѣщанина по дворянству“,

которымъ закончивается серія пьесъ для учащихся въ Михайловскомъ театрѣ, поручена г. Озаровскому. Главную роль будетъ играть К. А. Варламовъ.

— „Московский квартетъ“ (гг. Александръ Могилевскій, Изъчевко, Бакалейниковъ, Зиссерманъ) выступилъ въ камерномъ вечерѣ русскаго музыкальнаго общества, состоявшемся 29-го января съ участіемъ пианиста Гарольда Бауэра.

— Приѣхавшій въ Петербургъ артистъ кievскаго театра г. Дагмаровъ составляетъ труппу для Кіева и Одессы. Репертуаръ—исключительно пьесы сильныхъ ощущеній („Stand (nig) no!“). Въ составъ труппы приглашены: г-жи Мосолова, Антонова, Огинская, Славская, гг. Бейкій, Курхизъ, Шаранъ, Лосъ, Лебединскій и др. Режиссеромъ будетъ И. П. Ивановскій. Пасху и май мѣсяцъ труппа будетъ играть въ Кіевѣ, іюнь—въ Одессѣ.

— Труппа „Невскаго Фарса“, во главѣ съ Валентиной Линъ, въ Великомъ постѣ, ѣдетъ въ Москву гдѣ пробудетъ двѣ недѣли въ театрѣ „Эрмитажъ“, послѣ чего отправляется въ Тифлисъ.

Малый театръ. (Отъ собств. корресп.) Ничто не вѣчно подъ луною, кромѣ, кажется, вопроса о взаимоотношеніяхъ „отцовъ“ и „дѣтей“, когда старыя догмы разрушены, а новыхъ формъ жизни еще не нашли. Старики консервативно охраняютъ скрижали своего завѣта, а молодежь рвется впередъ, внося разладъ въ семейную атмосферу. Такова въ основѣ своей и новая пьеса въ 4 д. Н. Ю. Жуковской „Особнякъ“ (Дора Полуннина). Семья Полунниныхъ, отецъ которыхъ богатъ и тиеславенъ, а мать-аристократка скупа и чопорна, живетъ „особнякомъ“. Дѣти растутъ какъ въ теплицѣ, ни къ чему не приученныя, нѣкъмъ не развиваемыя, съ зародышемъ затаенной вражды къ родителямъ. Они свыкли съ этой жизнью, и только возвращеніе въ домъ старшей дочери-Доры, воспитывавшейся у тетки, вноситъ новую, свѣжую атмосферу въ особнякъ. Вѣковые устои стараго „склепа“ распадаются и падаютъ, наконецъ, окончательно подъ давленіемъ тяжелой драмы сына Полунниныхъ, гвардейца Марка, поручившагося за кумира Доры—Павлика и къ сроку платежа оказавшагося не въ состояніи уплатить за разорившагося товарища должговую сумму. Взысканіе о помощи къ родителямъ остается безъ успѣха, и вотъ брать Боба и сестра Дора рѣшаются спасти честь Марка, каждый по-своему. Оба выбираютъ средства сугубо крайнія. Дора отдается за деньги нелюбимому богатому графу, а Боба... воруетъ у отца деньги.

Когда все открывается, Дора съ Бобой уходятъ изъ дома. Особнякъ пустѣетъ. Въ послѣднемъ актѣ Полуннины продаютъ его подлѣ... кафешантанъ, сами собираясь за границу, причемъ передъ ихъ отъѣздомъ въ бывшемъ богатомъ пропитанномъ „аристократизмомъ“ особнякѣ устраивается „кабаре“, въ которомъ выступаетъ прибывшая изъ Парижа „шансонетная пѣвица“ Одѣтъ Колеръ, оказавшаяся... Дорой Полунниной!... Здѣсь же, среди публики, и Боба, являющийся въ роли газетнаго репортера. И въ антрактѣ между двумя шансонетками Дора читаетъ мораль родителямъ освоенной судьбы... Свершилось возмездіе. Старики видятъ распадъ своей когда-то богатой и тиеславной семьи. Они удручены. И только Боба искренно вѣритъ въ Чеховскую идею, что „міръ еще превратится въ цвѣтущій садъ“...

Пьеса, видимо, понравилась публикѣ Малаго театра, хотя въ ней есть много совершенно ничемъ не мотивированныхъ сценъ, положеній, выходовъ, не согрѣтыхъ ни оригинальностью мысли, ни теплотою чувства. Темпъ—въ большинствѣ сценъ—тягучій; цѣлый каскадъ мелодраматическихъ моментовъ съ введеніемъ въ IV д. „матчиша“, „danse des araches“ и т. п., остро убивающихъ серьезность пьесы и глубину драматизма авторскихъ замысловъ.

Поставленъ „Особнякъ“ г. Гловацкимъ красиво, изящно. Исполненіе ровное. Хороша г-жа Миронова (Дора), не безъ эффекта съигравшая извѣстную вольно генювскую шансонетку „Je suis Adèle“. Очень естественъ, искрененъ, типиченъ г. Строинскій (Боба). Цѣлый, законченный типъ Полунниной даетъ г-жа Холмская. Много юмора вноситъ въ роль князя Никко г. Шмитгофъ. Интересны г-жа Троянова (Глафира) и Кирова (Фелюша).

Театръ былъ полонъ. Автора, какъ водится, вызывали.

Вас. Базилевскій.

Мелочи театральнoй жизни.

Чѣмъ объяснить столь неравномѣрное вознагражденіе артистовъ?

Когда въ Петербургѣ гастролеровали Шаляпинъ и Смирновъ, то дирекція платила первому 1,500 р. за выходъ, второму—750 р.

Когда же недавно командировали въ Москву К. А. Варламова и онъ сдѣлалъ тамъ два полныхъ сбора, дирекція заплатила ему за каждый спектакль... по 10 рублей.

Почтенный артистъ, любимецъ публики, въ правѣ считать этотъ гонораръ за насмѣшку...

Одинъ номеръ въ московской гостиницѣ стоилъ ему 15 р. въ сутки.

— Бухарестская администрація сняла съ репертуара пьесу Леопольда Кампфа „Le grand Soir“, на сюжетъ изъ событій русскаго освободительнаго движенія. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ устроила манифестацію директору Давилла и просила его не падать духомъ въ борьбѣ съ реакціонными силами правительства І. Братиано, обѣщая свою поддержку.

— Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ миланской газеты „Secolo“ Элеонора Дузе выказала свое глубокое возмущеніе по поводу того, что „нѣкоторыя газеты, печатали про нее отъ времени до времени разныя сплетни, стараются опозорить ея доброе имя“. Дузе, между прочимъ, рѣшительнѣйшимъ образомъ опровергаетъ вздорный слухъ о томъ, что она выходитъ замужъ за извѣстнаго парижскаго портного Ворта. Она также опровергаетъ недавнее сообщеніе о встрѣчѣ съ д'Аннунціо и примиреніи съ нимъ. Артистка ведетъ весьма удивительный образъ жизни и интересуется только искусствомъ.

За рубежомъ.

— Въ Вѣнѣ на сценѣ „Вургъ-театра“ на прошлой недѣлѣ состоялось первое представленіе пьесы умирающаго Бьернсона „Когда бродитъ молодое вино“. Пьеса имѣла большой успѣхъ. Послѣ второго акта вышелъ сынъ автора Бьернсъ-Бьернсонъ, чтобы поблагодарить публику отъ имени отца, который обрадуется, получивъ хорошія вѣсти о пріемѣ пьесы въ Вѣнѣ.

— Изъ Италіи сообщаютъ, что Элеонора Дузе собирается составить Ибсеновскій ансамбль. Репертуаръ будетъ состоять всего изъ трехъ пьесъ: „Женщина съ моря“, „Іоганнъ-Габріэль Воркманъ“ и „Росмерсгольмъ“.

— По поводу постановки новой оперы Зигфрида Вагнера „Бонадитрихъ“, вѣмецкая печать отмѣчаетъ, что Вагнеръ-сынъ, обладающій тонкимъ художественнымъ вкусомъ и поставленный въ весьма выгодныя условія, до настоящаго времени не создалъ еще ни единого выдающагося музыкальнаго произведенія, которое его приблизило бы къ гиганту-отцу.

— Въ Цетинѣ была поставлена новая пьеса князя Николая, драма въ одномъ дѣйствіи „Князь Орванкъ“, имѣвшая большой успѣхъ у избранной публики, переполнившей театръ.

Въ состояніи здоровья знаменитаго норвежскаго поэта Бьернсона произошло такое ухудшеніе, что у окружающихъ большого нѣтъ болѣе сомнѣнія въ близкой его кончинѣ. Созданный

копситіумъ врачей не подаетъ надежды на улучшеніе. Большой цѣлымъ часами находится въ глубокомъ снѣ и не принимаетъ никакой пищи. Сердце и дыханіе ослаблены до послѣдней степени. Дочь Бьернсона, г-жа Ланченъ, вызвала изъ Христианіи и Берлина телеграммами братьевъ умирающаго писателя.

— Запрещенная берлинской цензурой къ представленію послѣдняя драма Метерлинка „Марія Магдалина“ съ нѣкоторыми сокращеніями пойдетъ въ Лейпцигѣ.

Письма изъ Казани.

Г. Соболищикова-Самарина въ роли антрепренера Казанскаго городского театра въ нынѣшнемъ году смѣнилъ г. Кручининъ. И нельзя сказать, чтобы эта смѣна способствовала росту театральнаго дѣла въ Казани. Скорѣе наоборотъ. Казань въ ряду театральныхъ городовъ Россіи занимаетъ видное мѣсто, а на всемъ Поволжьи—даже первое. Тутъ переселились лучшіе артисты, прекрасные режиссеры, постановки здѣсь подчасъ блистали богатствомъ и красотой. (Взять хотя бы прошлогоднихъ „Сѣверныхъ богатырей“ въ выполненіи талантливаго г. Ленковскаго. Эта было выдающееся явленіе въ жизни нашего провинціального театра.)

А прошлое обязываетъ... Казанская публика требовательна. Она смотритъ на свой театръ, какъ на серьезное культурное учрежденіе, и умѣетъ оцѣнить работу и талантъ. Нельзя сказать, чтобы г. Кручининъ не прилагалъ трудовъ и усилій къ болѣе или менѣе благополучному веденію своего большаго и труднаго дѣла.

Труппа набрана очень большая. Антреприза старается быть на высотѣ требованій современнаго репертуара. Ставятся всѣ послѣднія и видныя новинки лучшихъ провинціальныхъ и столичныхъ сценъ. Не забываются и классики, здѣсь находятъ откликъ и событія нашей литературно-драматической жизни. Праздновали юбилей Островскаго, на дняхъ чествуютъ память Чехова (ставятъ „Иванова“). Возобновлены и прошлогоднія лекціи передъ утренними спектаклями для учащихся, пользующимися большимъ успѣхомъ среди молодежи.

Словомъ, со стороны, такъ сказать, виѣшней все обстоитъ очень благополучно.

А вотъ съ „внутренней“—дѣло хуже.

Не чувствуется въ нынѣшней работѣ казанскаго театра бѣіенія „живой“ жизни. Художественности исполненія, чистаго искусства, могучихъ размаховъ таланта—здѣсь нѣтъ. Все какъ-то буднично, трафаретно, по шаблону. Нѣтъ въ театрѣ настроенія, того настроенія, которое дѣлаетъ театръ храмомъ, будитъ мысль, живитъ чувство. И это тѣмъ обиднѣе,

Гастроли труппы И. М. Арнольдова на о. Сахалинѣ.

1-й рядъ: Новашинскій, Буйновъ, Дубровинъ, Федоренко, Тургеневъ. 2-й рядъ: Цвѣткова, Васильчикова, Огурцовъ (нач. почт. телегр.), Саженова, В. М. Варгина, Губернаторъ Сахалина генер. Валуевъ, Карѣева, Морозова, Ланская, Бѣлова. 3-й рядъ: Корольковъ (адъютантъ), Извольскій, Сѣверовъ, Шорштейнъ, И. М. Арнольдовъ. Азабекъ, Флишманъ, Афанаскинъ, 4-й рядъ: Бычко, Карендовъ, Григонисъ, Бѣловъ секр. Арнольдова, кит. Хю-мо-шинъ.

Харьковъ. Городской театръ.

М. Н. Славичъ.

(Къ 30-лѣтнему юбилею).

что въ составѣ труппы есть прекрасныя силы... Рѣдко-рѣдко выдается спектакль, когда блеснетъ яркимъ свѣтомъ огонь увлеченія,—а потомъ снова потянутся скучные, неинтересные „будни искусства“. Не чувствуется сильной режиссерской руки, не видно „огня“ въ работѣ. Въ полной мѣрѣ наврядъ ли можно винить и режиссера. Что можетъ сдѣлать режиссеръ, даже самый умный, самый талантливый,—когда новыя пьесы идутъ чуть ли не ежедневно, когда и онъ и артисты изъ силъ выбиваются, чтобы ставить послѣднія „сенсационныя“ новинки!..

Одну пьесу смотрѣлъ я здѣсь съ удовольствіемъ за послѣднія двѣ недѣли. Это—„Большой человѣкъ“. Ишимова игралъ г. Каширинъ. Онъ далъ очень интересную, выпуклую фигуру, нарисовалъ „большого человѣка“ живыми, яркими чертами; остальные исполнители также стояли на высотѣ и пользовались большимъ, заслуженнымъ успѣхомъ.

Хорошо была поставлена „Анфиса“. Надъ этой пьесой, повидимому, хорошо и удачно поработали. Также и „Холопы“.

Среди артистокъ и артистовъ много извѣстныхъ въ провинціи именъ. Изъ женскаго персонала выделяются: г-жа Вейманъ, безусловно талантливая и опытная артистка. Однако же хорошее и продуманное исполненіе всѣхъ ролей, богатая мимика, тонкость передачи, художественное чутье, прекрасныя туалеты, все это дѣлаетъ ея цѣннымъ приобретеніемъ труппы г. Кручинина. Интеллигентная и тонкая артистка—г-жа Софья Чаруская—производитъ очень выгодное впечатленіе. Жаль, что она не всегда владѣетъ своимъ большимъ и подчасъ крикливымъ голосомъ. Серьезно относится къ дѣлу г-жа Арсеньева, съ огонькомъ и подъемомъ проводитъ она почти всѣ свои роли. Непріятны только иногда угловатость ея манеръ, излишняя взвищенность и нервноіть.

Въ нѣкоторыхъ роляхъ (напр. въ „Волкъ“—въ сценѣ сумасшествія) она великолѣпна. Очень хорошая бытовая артистка г-жа Яблочкина. У нея прекрасная дикція, сочный юморъ и масса жизни на сценѣ. И, наконецъ, г-жа Саблина-Дольская, умно, выдержано и даровито играющая здѣсь „савинскія“ роли.

Мужской персоналъ еще богаче. Здѣсь г. Каширинъ, о которомъ я уже писалъ; г. Бороздинъ—чрезвычайно талантливый и разнообразный артистъ. Въ его рукахъ каждая роль—перлъ. Какъ удивительно тонко, наиримѣръ, играетъ онъ Передоновъ! Тутъ все у него великолѣпно: и гримъ, и голосъ, и манеры. Публика относится здѣсь къ нему съ большою любовью. Интересный артистъ г. Шорштейнъ, несущій на себѣ, главнымъ образомъ, „героическій“ репертуаръ. У него красивая внѣшность, богатый голосъ, изысканность и благородство манеръ. Не лишень дарованія г. Лирскій—Муратовъ. Къ сожалѣнію, въ его игрѣ слишкомъ много „провинціальности“: больше внѣшней игры, чѣмъ внутренней, больше движеній и выкриковъ, чѣмъ истинныхъ переживаній. Разношерстенъ и талантливъ г. Колобовъ, создавшій изъ Татаринова (въ „Анфисѣ“) живую и характерную фигуру. Нѣсколько интересныхъ типовъ создалъ, г. Мартовъ—артистъ и иногда режиссеръ. Главныя режиссерскія обязанности несетъ г. Александровъ.

Словомъ, труппа, повторяю, хорошая. Съ такими силами можно бы сдѣлать гораздо больше, чѣмъ это дѣлается теперь.

Казанскій театръ ждетъ художественнаго ансамбля, чистыхъ настроеній и... больше любви къ дѣлу.

Казанская публика къ этому привыкла.

Левъ Левидовъ.

Письма изъ Кіева.

Одной изъ лучшихъ постановокъ этого сезона несомнѣнно надо считать „Авинянку Лизистрату“ Аристована, поставленную Н. А. Поповымъ.

Большой знатокъ старины, Н. А. Поповъ и здѣсь сумѣлъ строго выдержать стиль.

Онъ воскресилъ передъ нами красоты Афинъ, красоту эллинскихъ одеждъ. Внѣшне пьеса была поставлена блестяще, исполненіе посредственное.

Пасхалова Лизистрата не обладаетъ подходящими внѣшними данными. Она, какъ всѣ впрочемъ исполнители, далека отъ античной красоты, пластики. Недуренъ г. Урванцовъ въ роли карикатурнаго предводителя старцевъ.

Въ тотъ же вечеръ ставили „Графиню Юлію“ Стриндберга. Невольно бросалась въ глаза разница между красотой античной жизни и жизнью нашихъ дней, между Аристофаномъ, добродушно, остроумно высмѣивающимъ мужичинъ, не могущихъ существовать безъ женской ласки, и Стриндбергомъ, съ пѣной у рта распинающаго и глумящагося надъ женщиной, которая не устояла передъ собственнымъ лакеемъ.

П. А. Будкевичъ въ роли графини Юліи блестяще, тонко, умѣло передала всѣ тѣ разнообразныя эмоціи, которыя Стриндбергу заставляетъ переживать свою героиню.

Г. Орловъ-Чужбининъ плохо игралъ лакея. Въ немъ слишкомъ мало чувствовался лакей и гораздо больше первый любовникъ.

19 января чествовали память А. П. Чехова. И лучше бы не чествовали. Безалаберно, нудно, безъ настроенія поставилъ Савиновъ „Три сестры“. Артисты играли въ какомъ-то ложно-классическомъ духѣ, растягивая, скандируя слова.

Только къ послѣдному акту подтянулись, и въ театрѣ почувствовалось что-то отъ Чехова и стало жутко-тоскливо. Хорошъ былъ Недѣлинъ въ роли мужа Маши. Недурны были Бѣлиновичъ—Чебугыкинъ и Болховской—Соленый. Павленкову не удался Вершининъ. Сестеръ играли Пасхалова, Карпова и Чаруская. Играли плохо. Спектаклю предшествовали скучные, неинтересные рефераты кіевскихъ литераторовъ. Долженъ былъ читать Левъ Шестовъ, но не читалъ. Послѣ спектакля никому ненужный апофеозъ: возложеніе вѣнковъ, чтеніе адресовъ и телеграммъ.

Эльфъ.

Письма изъ Тифлиса.

(Отъ нашего корреспондента.)

Серію бенефисовъ въ казенномъ театрѣ открылъ талантливыи теноръ А. Г. Борисенко „Богомолъ“ Пуччини. Партія Рудольфа какъ нельзя болѣе подходитъ къ вокальнымъ средствамъ А. Г. Борисенко. Въ сценческомъ отношеніи артистъ проводитъ роль Рудольфа жизненно и правдиво. Съ внѣшней стороны бенефисъ даровитаго артиста представлялъ триумфъ по адресу бенефицианта.

Бенефисъ кассирши М. А. Стрѣлковой-Плямъ, пользующейся у нашей театральной публики симпатіями, прошелъ при переполненномъ театрѣ. Съ успѣхомъ поставлена въ бенефисъ г-жи Девось-Соболевой опера „Ромео и Джульетта“.

Бенефисъ примадонны опернаго товарищества г-жи Викшемской прошелъ съ большимъ успѣхомъ, это праздникъ искусства и музыки. Цѣлый вечеръ даровитая пѣвица была предметомъ оваций.

Съ успѣхомъ какъ художественнымъ, такъ и матеріальнымъ прошелъ бенефисъ баритона г-на Сокольскаго (оп. „Африканка“).

Настала пора обычныхъ гастролей. Въ первую очередь г-омъ Эйхенвальдомъ были приглашены артистъ Импер. оперы С. Г. Власовъ, артистка русск. оперы М. А. Дубровская и теноръ И. П. Сараджевъ.

Г-нъ Власовъ извѣстенъ Москвѣ лучше, чѣмъ намъ, потому едва ли является необходимымъ давать ему оцѣнку какъ пѣвцу и артисту. Отдавая должное г. Власову, я принужденъ все-таки замѣтить, что голосъ его поддавался вліянію времени, и съ этой стороны гастролеръ интереса не представлялъ. Голосъ артиста, сохранившій относительную свѣжесть лишь въ медиумѣ, очевидно, былъ когда-то мощенъ и красивъ. Успѣхомъ г. Власовъ пользовался у насъ срединно.

М. А. Дубровская знакома намъ по антрепризѣ г-на Донского. Это артистка съ прекраснымъ голосомъ (драм. сопрано) и оригинальнымъ сценическимъ дарованіемъ. Три партіи, исполненныя ею въ гастрольныхъ спектакляхъ (Жидовка, Анда и Кармень), лучшія въ обширномъ репертуарѣ артистки, и она ихъ спѣла съ успѣхомъ.

Благодаря ей намъ удалось послушать въ текущемъ сезонѣ „Анду“ и „Жидовку“.

Теноръ И. П. Сараджевъ выступилъ въ оп. „Искатели жемчуга“. Партиз Надира г. Сараджевъ считаетъ, повидному, лучшей въ своемъ репертуарѣ, ибо и въ прошломъ сезонѣ онъ пѣлъ се въ свой бенефисъ. Вокальная сторона партиз, дѣйствительно, отдѣлана артистомъ хорошо, и къ ней весьма подходитъ красивый и мягкій голосъ артиста. Въ сценическомъ же отношеніи артистъ обнаруживаетъ нѣкоторую неопытность.

На дняхъ начнутся гастролы г-жи Ванъ-Брандъ.

Въ драмѣ г-жи Питосвой-Бълецкой также прошли бенефисы: г-жи Сарнецкой („Жены“), г-жи Борской („Маленькая чума“ и „Женщина-адвокатъ“), г. Давыдова („Дѣти XX вѣка“), Дьяконова („Царь Дмитрій Самозванецъ и Царевна Ксенія“) и г. Шахалова („Двѣнадцатая ночь или Что Угодно“ Шекспира).

Лучшимъ спектаклемъ изъ этихъ бенефисовъ, на нашъ взглядъ, надо считать постановку пьесы Айзмана—„Жены“. Изъ скуднаго и нѣсколько шаловливаго репертуара тифлисской драмы эту пьесу слѣдуетъ признать наиболѣе интересной.

Но съ чѣмъ не могу никакъ примириться, что меня болѣе всего удивляетъ, такъ это курсъ, котораго держится нѣздомый никѣмъ завѣдующій репертуаромъ драмы. Имѣя въ распоряженіи недюжинныя артистическія силы, г-жа Питоева какъ-то не умѣетъ ими пользоваться. Напр. „Жены“ Айзмана прошли всего только одинъ разъ. Пьеса имѣла большой успѣхъ. Она не повторяется. А такой шедевръ, какъ „Дѣти XX вѣка“ или бездарная передѣлка романа Эм. Золя „Волчья пасть“ (Кабачекъ), которой мѣсто только на экранѣ синема-тографа, повторяются по нѣсколько разъ.

Гдѣ же логика и справедливость?

Онеретка г. Валентетти закончила свои спектакли. Впрочемъ, тутъ ли Валентетти, ни его весьма сносная труппа не виноваты. Корень зла—въ самомъ театрѣ грузинскаго дворянства, въ которомъ едва ли какой антрепренеръ сумѣетъ продержаться весь сезонъ. При наличности въ Тифлисѣ двухъ великолѣпныхъ театровъ (Казенный и Артист. О-ва), эта красивая корбочка, построенная, очевидно, лицами совершенно незнакомыми съ театральнымъ дѣломъ, не представляетъ ни удобствъ, ни выгодъ. Въ Тифлисѣ такъ же, какъ и въ другихъ городахъ, сборъ театральный зиждется на такъ называемомъ среднемъ классѣ публики.

Ну, а вотъ для этого-то элемента и не оказывается подходящаго мѣста въ театрѣ грузинскаго дворянства. Партеръ и ложы слишкомъ дороги и потому средней публикѣ недоступны, а на „галерку“ интеллигенты ходятъ только въ столицахъ. Сдѣлать же антрепренеру при малочисленности мѣстъ расцѣпку низкую невыгодно, ибо сборъ даже и полный не окупитъ расходовъ мало-мальски приличной труппы.

Прѣхалъ циркъ Бр. Никитиныхъ и понизилъ и безъ того неважные сборы тифлисскихъ театровъ. Диву даешься, куда дѣвалась наша театральная публика?

Прѣхали какіе-то японцы къ Никитину, и публика совершенно отхлынула отъ театровъ къ цирку.

И. Осиповъ.

Провинція.

Бердянскъ. (Отъ нашего корреспондента). За послѣднее время драматическая труппа М. П. Тамарова познакомила бердянцевъ съ двумя новинками: „Сатана“ Гордина и „Анфиса“ Андреева; послѣдняя прошла при переполненномъ театрѣ въ бенефисъ героини А. Н. Галицкой.

Лѣтній театръ Гурскаго на предстоящее лѣто снятъ З. Е. Элькиндою. Предполагается фарсъ и легкая комедія.

Зуза.

Владимиръ. 21-го января въ бенефисъ М. А. Шумилова прошли съ несомнѣннымъ успѣхомъ „Ученныя барыни“. Бенефициантъ, неизмѣнно въ теченіе двухъ сезоновъ пользовавшійся симпатіями публики какъ любовно относящійся къ своему дѣлу актеръ и режиссеръ, былъ въ ударѣ, и небольшая роль Кризалия была проведена имъ мастерски. Изъ другихъ исполнителей нельзя обойти молчаніемъ Н. В. Туманову, А. И. Верховскую, А. Е. Романовскаго и А. Н. Аркадьева.

Театръ былъ полонъ.

Съ чувствомъ удовлетворенія сообщая, что 17 января было отмѣчено постановкой „Вишневаго сада“.

Ник. Шуйскій.

Елизаветградъ. (Отъ нашего корреспондента.) Прошедшіе праздники, несмотря на крайне скучный репертуаръ, сразу подняли дѣла антрепризы и на много уменьшили тотъ дефицитъ, котораго ждутъ. Кстатіи объ этомъ де-

фицитѣ: опредѣляютъ его въ 5000 р.—это по сей день. Но вернемся, однако, къ этой цифрѣ: бывая почти каждый день въ театрѣ, я отлично помню сборы и смѣло могу сказать, что цифра эта сильно преувеличена. Никакъ нельзя допустить, чтобы сейчасъ, когда еще осталось около 2-хъ мѣсяцевъ сезона, дефицитъ выражалъ бы въ такой крупной цифрѣ.

Серія бенефисовъ открылась бенефисомъ антрепренерши г-жи Поляковой, поставившей легкую и изящную комедію сатиру Бракко „Конекъ любви“ и „Женскій парламентъ“ Гарина. Съ внѣшней стороны бенефисъ прошелъ такъ, какъ вообще проходятъ бенефисы первыхъ и излюбленныхъ публикой актеровъ: переполненный залъ, цвѣты, подношенія и—на этотъ разъ сдержанные почему-то апплодисменты.

Ставили между прочимъ „Орленка“ Ростана, заглавную роль игралъ г. Сумароковъ. Я не досмотрѣлъ пьесу до конца, но по тому, какъ игралъ г. Сумароковъ въ первыхъ 2-хъ актахъ, онъ мнѣ очень понравился: сила, темпераментъ, внутреннее переживание и какое-то захватывающее благородство даютъ ему возможность играть эту роль вполне безупречно.

Елизаветградъ. Антреприза А. Т. Поляковой.

А. Т. Полякова въ роли „Губернской Клеопатры“.

Но въ художественномъ отношеніи нельзя не упрекнуть режиссера: во 2-мъ актѣ оркестръ нанграваетъ какой-то пошлый, скабрзный мотивъ (такой же мотивъ играютъ и въ „Дняхъ нашей жизни“ въ сценѣ на Тверскомъ бульварѣ). Это было такъ грубо, это такъ не гармонировало съ общимъ ходомъ интереснаго спектакля, что такой промахъ можно простить только режиссеру, не знающему, что онъ творитъ. Вообще долженъ сказать, что въ области постановки и обстановка спектаклей съ самаго начала сезона замѣчается что-то роковое: съ большими усиліями достигаютъ удачнаго спектакля (такъ рѣдко встрѣчающихся въ нынѣшнемъ сезонѣ), и все же никакъ не могутъ обойтись безъ того, чтобы не влить ложку дегтя въ такъ желанный боченокъ меда.

6 разъ прошелъ у насъ Гординовскій „Сатана“. Сатану играетъ г. Востоковъ, артистъ способный и умный, но удивительно флегматичный и вообще, не въ обиду будь ему сказано, какой-то сонный, что ли. Его Сатана—Сатана лишь по внѣшности: удачный подъ дьявола гримъ, правильное интонированіе, красивая, пластичная движенія. Но внутренняго подъема въ артистѣ совершенно нѣтъ. Г. Аркановъ—Гершель Дубровнеръ—какъ всегда неизмѣнно холоденъ и невозмутимъ. Ципленю—г-жа Хвалынская. Послѣдней и позволю себѣ предположить совѣтъ: бросить акцентированіе, такъ какъ при веегдашнемъ неизмѣнномъ однообразіи я голосовыхъ средствъ это акцентированіе производитъ просто-напросто скверное впечатлѣніе. Не акцентировать, напр. г-жа Барнесъ, и ея маленькая роль уадаеся ей блестяще. Очень искренно и заразительно своей веселостью и играетъ г-жа Трофимова-Сумарокова (о ней поговорю въ слѣдующій разъ подробно). Великолѣпнъ г. Половцевъ (Бадхенъ). Вообще этотъ артистъ имѣетъ здѣсь завидный успѣхъ. Роль Моргулевича, напр. („Женскій парламентъ“) онъ играетъ при непрерывныхъ веселомъ хохотѣ и апплодисментахъ публики.

Прошли, между прочимъ, „Ревизоръ“, „Горе отъ ума“. Роли Хлестакова и Чацкаго игралъ г. Сумароковъ. Я умышленно называю эти пьесы и хочу этимъ показать, какъ ча-

Ростовъ-на-Дону.

Антреприза Н. И. Соболевцова-Самарина.

Г-жа Писарева.

сто дерзаетъ г. Сумароковъ. Иногда это ему простительно, иногда и увѣ!—въ большинствѣ—это „дерзаніе“ ему простить нельзя. Мнѣ кажется, что эти роли ему просто не по силамъ.

Прошли слѣд. пьесы: „Разбойники“, „Анна Каренина“, „Г-жа Пошлость“, „Охотники“, „Маневры“, „Чайка“ (благотв.), „Орленокъ“, „Оксана Зозуля“, „Марія Стюартъ“ (утр.), „Каморра“ (2 р.), „Маскарадъ“, „Гусарская лихорадка“ и др. Репертуаръ праздничный: „Орленокъ“, „Сатана“, „Казенная квартира“, „Убийство въ гостиницѣ Бристоля“, „Приключенія королевича Ладоса“ (дѣтскій), „Дѣти XX вѣка“, „Звѣзда нравственности“, „Золотая свобода“, „Жакъ Нуаръ или Анри Заверни“, „Загадка и разгадка“, „Каморра“, „Большой чепухъ“, „Анатэма“ и др.

Съ громаднымъ художественнымъ успѣхомъ прошелъ въ театрѣ концертъ мало извѣстнаго провинціи баритона А. М. Брагина. Обширный діапазонъ, позволяющій ему брать верхнее Ia, красивый тембръ голоса, необычайно тонкая фразировка, — создали ему здѣсь рѣдкій успѣхъ. Постомъ г. Брагинъ дастъ здѣсь еще одинъ концертъ.

На-дняхъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ г. А. Л. Миролюбовымъ, прѣхавшимъ сюда для подписанія контракта о снятіи имъ театра на будущій зимній сезонъ. Г. Миролюбовъ игралъ въ Елисаветградѣ 7 лѣтъ тому назадъ въ антрепризѣ К. Витарскаго и пользовался большимъ вниманіемъ какъ актеръ. Нынѣ г. Миролюбовъ задается цѣлью сразу повысить интересъ публики къ театру, для чего онъ составляетъ сильную труппу. Называетъ онъ очень извѣстныхъ провинціи актеровъ, обѣщаетъ дать новую обстановку, декорации етс. Въ добрый часъ!

На весь сезонъ театръ сланъ опереттѣ С. И. Крылова. Оперетту смѣнитъ труппа малороссовъ Колесниченко (12 спектаклей), малороссовъ—опера Боголюбова (9 спектаклей).

Дав. Занкасей.

Екатеринославъ. (Отъ нашего корреспондента.) 20-го и 21-го января состоялись гастроли Харьковскаго театра „Голубой глазъ“. Шли шаржи и пародіи, напоминающіе репертуаръ Петербургскаго „кривого зеркала“ и Московскаго „интимнаго театра“.

Были поставлены слѣдующія миниатюры: „Загадка и Разгадка“, „Страницка романа“, „Сосѣдь“, „Страшный кабачокъ“ и „Веселая Смерть“.

Пародія на трагедію въ 5 д. „Росмунда“; пародія на балетъ „Королева эльфовъ“; пародія на синемаграфъ.

Труппа вполне оправдала довѣріе, оказанное ей екатеринославской публикой, наполнявшей залъ театра.

Всѣ пьесы были прекрасно поставлены и разыграны. Оба спектакля прошли съ „анишлагами“.

Екатеринодаръ. М. Ф. Багровымъ приглашены въ Екатеринодаръ, гдѣ онъ держитъ антрепризу съ Пасхи, г-жи: Юрьева, Кварталова, Лисенко, г. Радинъ и друг.

Каменецъ-Подольскъ. (Отъ нашего корреспондента.) 20 января праздновалъ свой XXX-лѣтній юбилей сценической дѣятельности режиссеръ нашей труппы А. І. Крамовъ.

Поставлена была комедія „Бѣдность не порокъ“, въ которой юбиларъ игралъ Любима Торцова, а въ заключеніе шла „Угнетенная невинность“.

Чествованіе состоялось по окончаніи 3 акта и началось чтеніемъ адреса отъ труппы. Затѣмъ были прочитаны адреса: отъ горожанъ, отъ театальной комиссіи, отъ служащихъ въ

театрѣ рабочихъ, а также масса телеграммъ и привѣтствій изъ разныхъ концовъ театральнаго міра Россіи. Были привѣтствія не только отъ представителей сцены, но и отъ частныхъ лицъ. Закончилось чествованіе подношеніями, которыхъ было не мало и долго несмолкаемыми аплодисментами и тупшами. Единственно, что омрачило торжество—такъ это далеко не полный сборъ, но удивляться, увѣ, не приходится, такъ какъ эта черта невниманія не только къ обыкновеннымъ спектаклямъ, но и къ празднованію бенефисовъ и юбилеевъ удивительно развита въ каменчанкахъ.

Возьмемъ напримѣръ, еще слѣдующій фактъ. 16 у насъ состоялся спектакль, посвященный памяти А. П. Чехова, о чемъ публика была оповѣщена афишами, а было ли въ этотъ вечеръ въ театрѣ что-либо похожее на чествованіе? Нѣтъ!.. Даже намекъ не было.

Было пусто, грустно и обидно.

Зсбс.

Курскъ. (Отъ нашего корреспондента.) 19 января въ городскомъ театрѣ состоялся спектакль въ память 50-лѣтія со дня рожденія А. П. Чехова.

Послѣ прочтанняго реферата была поставлена живая картина: „А. П. Чеховъ среди созданныхъ имъ типовъ“.

Затѣмъ — „Дядя Ваня“.

Спектакль сдѣлалъ почти полный сборъ, — преобладали учащіяся.

Ни одно учебное заведеніе, ~~конечно~~, не почтило память писателя.

Г. Вронченко-Левницкому пришлось снять анонсъ о постановкѣ „Сатаны“, такъ какъ мѣстныя власти не разрѣшили представленія этой пьесы. Тогда Вронченко послалъ телеграмму П. А. Столыпину, на что полученъ отвѣтъ, что вопросъ этотъ предоставляется усмотрѣнію мѣстнаго начальства.

Значитъ, пьеса не поидетъ.

Удивительное дѣло, — въ Москвѣ можно (пока еще), а въ Курскѣ нельзя!

Владимиръ Орловъ.

Николаевъ. 19 февраля въ Николаевѣ предполагается чествованіе артиста Л. К. Людвигова во случаю 35-лѣтія сценической его дѣятельности.

Одесса. (Отъ нашего корреспондента.) Новый, народившійся лишь недавно театръ смѣха „Би-ба-бо“ продолжаетъ пользоваться широкимъ вниманіемъ публики, такъ симпатично отнесшейся къ нему съ самаго начала. Спектакли проходятъ при почти полныхъ сборахъ. Нѣсколько разъ поставлены были „Жакъ Нуаръ“, „Выгодное дѣльце“, „Господа Одеситы“ и др. вещи. Въ ближайшемъ времени готовятся къ постановкѣ шаржи, сатиры и пародіи Л. М. Васильскаго, А. Ардова, Незнакомца, М. Линскаго и др. Изъ сольных номеровъ, подъ общимъ названіемъ „Шари-вари“, имѣютъ большой успѣхъ у публики: исполненіе г. Никитинимъ (solo) образцовѣйшей оперы „Вампуки“, музыкальныя шутки и разсказы г. Гросмана, импровизированные, разнохарактерныя танцы (кавказскіе, испанскіе, терекскіе, индускіе и др.) Стеллы Отаровой, кулѣты на злобу дня г. Измайлова и инсценированная газета. Постепенно вокругъ молодого театральнаго дѣла собираются люди съ дарованіемъ, обѣщающіе въ будущемъ большой успѣхъ новому театру.

Одесса. Повѣренный г. Багрова пр. пов. А. Д. Бродскій разрабатываетъ въ настоящее время контрактъ съ г. Сибиряковымъ относительно снятія Сибиряковскаго театра подъ драму на будущій сезонъ. Въ виду того, что г. Каstellанъ снимаетъ Гор. театръ лишь съ 1 октября, г. Багровъ предполагаетъ давать драматическіе спектакли въ сентябрѣ въ Гор. театрѣ, а съ 1 октября перейти въ Сибиряковскій. Поэтому г. Бродскій предложилъ подписать договоръ съ 1 октября. Г. Сибиряковъ заявилъ, что можетъ сдать театръ только съ 1 сентября, такъ какъ считаетъ неудобнымъ для драматическаго дѣла въ Одессѣ начинать сезонъ съ драмой въ одномъ театрѣ, а затѣмъ переходить въ другой.

Во вторникъ въ Город. театрѣ шла въ бенефисъ гл. режиссера Н. Н. Синельникова нешедшая еще въ Одессѣ „Сибгурочка“ Островскаго. Пьеса эта ставилась у насъ съ музыкой Чайковскаго, которую исполнялъ гор. оркестръ подъ управленіемъ г. Прибыка.

Полтава. (Отъ нашего корреспондента.) „Чеховскіе дни“ прошли у насъ торжественно, при общемъ участіи мѣстной интеллигенціи.

Справляли юбилей почившаго писателя въ городскомъ театрѣ, при тысячной публикѣ, при учащейся молодежи и мѣстной интеллигенціи во главѣ съ маститымъ Владиміромъ Галактионовичемъ Короленко.

Мѣстный лекторъ В. С. Оголивецъ читалъ рефератъ о мѣстѣ А. П. Чехова въ литературѣ, а директоръ гастролирующей у насъ драматической труппы Д. И. Басмановъ о значеніи Чехова для русскаго театра.

Оба референта мастерской кистью нарисовали картину великой потерн для русскаго литературы и театра Чехова...

Затѣмъ поставлены были „Три сестры“, исполнена была

теса группой Басманова превосходно. Участвовали лучшія силы труппы.

Въ заключеніе на бюсть писателя возложены были вѣнки, и артисткой Степной прочитано было стихотвореніе, посвященное покойному писателю.

Въ настоящее время труппой Басманова готовится новый вечеръ, посвященный памяти А. П. Чехова, такъ какъ на первый вечеръ, за немѣнѣемъ мѣстъ въ театрѣ, многіе по- пасть не могли.

Харьковъ. Н. Н. Синельниковъ, будучи недавно въ Кіевѣ, пригласилъ къ себѣ на будущій сезонъ въ Харьковъ г-жу Будкевичъ.

Харьковъ. (Отъ нашего корреспондента.) 9 февраля исполняется 30-лѣтіе сценической дѣятельности Славичъ. Марія Николаевна Славичъ, дочь флотскаго офицера, родилась въ г. Кронштадтѣ, гдѣ и провела свое дѣтство и юность.

Артистическая дѣятельность М. Н. началась въ 80-мъ году въ Петербургѣ въ такъ называемомъ „Театрѣ Общества Дешевыхъ Квартиръ“, гдѣ артистка впервые выступила въ роляхъ комическихъ старухъ. Спустя четыре года игры на частныхъ сценахъ, артистка получила приглашеніе С. В. Брагина, который въ то время держалъ въ Петербургѣ театръ Нѣмецкаго клуба. С. В. первый обратилъ вниманіе на комическое дарованіе молодой артистки и началъ поручать ей ответственныя роли. У Брагина М. Н. играла въ теченіе пяти зимнихъ сезоновъ въ театрѣ клуба и пяти лѣтнихъ — въ Старой Руссѣ. Одновременно съ этимъ артистка выступала въ Благородномъ собраніи у Сосновскаго.

Въ эти годы послѣдовательно развѣртывались способности молодой артистки; сказались и укрѣплялись ея рѣдкая любовь къ дѣлу, внимательное, почти благоговѣйное отношеніе къ искусству, которымъ отмѣчено все ея тридцатилѣтнее служеніе сценѣ. Такимъ образомъ первое десятилѣтіе артистка провела въ Петербургѣ, играя въ частныхъ театрахъ.

Въ 90-мъ году М. Н. служила сезонъ у Горевои въ Москвѣ, послѣ чего началась артистическая дѣятельность ея на провинціальныхъ сценахъ, въ антрепризахъ: А. А. Ниль-

скаго (Гельсингфорсъ),¹ Н. И. Соболевскаго-Самарина (Н.-Новгородъ и Баку — три сезона), А. А. Фадѣева (Рига — три сезона), П. П. Медвѣдева (Самара), А. А. Кравченко (Иркутскъ), Городская Дирекція (Пермь), С. И. Томскаго (Тула), Драматическое Общество (Рига), К. Н. Незлобина (Рига — два сезона), -А. И. Долинова (Одесса).

Что касается лѣтнихъ сезоновъ, то артистка играла много лѣтъ въ Старой Руссѣ у А. А. Нильскаго, извѣстнаго покойнаго артиста Имп. театр., Н. И. Арди, Н. С. Васильевой и у З. В. Холмской; служила М. Н. также нѣсколько сезоновъ въ лѣтнихъ театрахъ въ Озеркахъ и Ораніенбаумѣ.

Послѣдніе четыре года артистка непрерывно служитъ въ антрепризѣ А. Н. Соколовскаго, въ Харьковѣ.

Начала свою сценическую дѣятельность М. Н. съ ролей комическихъ старухъ, при чемъ въ послѣдующіе годы расширила свое амплуа (съ измѣненіемъ общаго репертуара) исполненіемъ ролей характерныхъ и драматическихъ старухъ. За долгіе годы своего служенія сценѣ М. Н. выступала со многими извѣстными артистическими силами, какъ, напримѣръ, покойный Самаринъ, Козельскій, Федотова; играла М. Н. съ А. И. Южинымъ еще въ первые годы своего служенія сценѣ. Много разъ выступала въ петербургскихъ театрахъ съ М. Г. Савиной.

Въ артистическомъ мірѣ юбиляраша имѣетъ извѣстное имя и пользуется особой любовью своихъ товарищей по сценѣ за свой ровный и мягкій характеръ. Нельзя не отмѣтить, что образовавшаяся въ Харьковѣ комсія по чествованію 9-го февраля с. г. тридцатилѣтняго юбилея М. Н. составила не только изъ артистовъ городского театра во главѣ съ А. Н. Соколовскимъ, но въ нее вошли еще драматургъ В. А. Рышковъ, предсѣдатель городской театральной комиссіи В. И. Крайновъ и редакторы мѣстныхъ прогрессивныхъ газетъ „Южнаго Края“ Н. А. Воронешскій и „Утра“ А. А. Жмудскій

Редакторъ-Издатель Л. Г. Мунштейнъ (Lolo).

ИСТЫЕ ЗНАТОКИ
и ЦѢНители
ПРЕДПОЧИТАЮТЪ

ИРРУА

Сладкое — ИРРУА-КАПРИЗЪ, — DEMI-SEC
Средней слад. — ИРРУА-ГРАНЪ ГАЛА, — SEC.
Мало сладкое — ИРРУА-АМЕРИКЕНЪ, — SEC. EXTRA
Безъ сладости — ИРРУА-БРЮТЪ, — TRÉS SEC

IRROY

ШАМПАНСКОЕ
ПРИЗНАННОЕ
НАИЛУЧШИМЪ

НА
1910
годъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный театральный богато иллюстрированный журналъ
РАМПА и ЖИЗНЬ

подъ редакціей „РАМПА“

НА
1910
годъ
Л. Г. Мунштейна
(Lolo).

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМИА ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

ЖРЕЦЫ и ЖРИЦЫ ИСКУССТВА

(сюзаръ сценическихъ дѣятелей) въ стихахъ LOLO. съ портретами и шаржами Andr'a, Н. Малютинъ, Д. Мельникова и друг. Ойма широкая освѣдѣленность. ✽ Снимки и зарисовки нѣхъ интересныхъ постановокъ иностранныхъ и русскихъ сценъ. ✽ Эскизы для грима и декораций. ✽ Портреты сценич. дѣятелей. ✽ Спец. фотографіи нѣхъ новинковъ Художественнаго театра. ✽ Карикатуры на театральныя злобы дня.

ОБШИРНЫЙ ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

52

большахъ портрета (на обложкѣ) артистовъ, писателей, композиторовъ и художниковъ, болѣе 1000 снимковъ, зарисовокъ, шаржей, карикатуръ и проч.

52

Собственные корреспонденты во всѣхъ западно европейскихъ театральныхъ центрахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и поресылк.: годъ—6 руб., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., 1 мѣс.—60 к.; за границу — вдвое. Объявленія впереди текста 75 коп., позади 50 коп. строка петита.

Главная контора журнала: Москва, Вроцкая, Больш. Коляницкій пер., д. Мясникова. Тел. 258-25.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также у Н. И. Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, И. О. Волифа и др. ✽ Розничная продажа журнала „РАМПА и ЖИЗНЬ“, кроме Москвы, производится: въ Петербургѣ — Невскій, Ласежъ, газетный кіоскъ; въ Одессѣ — кіоски Альтшулера; въ Кіевѣ — книжн. маг. Л. Издиковскаго; въ Саратовѣ — книжн. маг. Суворина; въ Твери — кіоскъ Короткова; въ Казани — у С. П. Коломенскаго и въ маг. „Восточная Лира“; въ Елизаветградѣ — у Д. Закаса; въ Пятигорскѣ — у А. П. Чайкина; въ Черкаскахъ — у Х. Сковскаго; въ Смоленскѣ — книжн. маг. Лобкина; въ Симбирскѣ — у Глазкова; въ Елизаветградѣ — книжн. кіоскъ; въ Владивостокѣ — газетн. аген. „Польза“; въ Житомирѣ — театр.-бпл. Ваксбергъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ — муз. маг. „Аккордъ“.

„РАМПА И ЖИЗНЬ“

ВЫСЫЛАЕТЪ

Алчущій знаменія (*Гласъ Божій*), др. въ 3 д., пер. съ нѣмец. Ц. 2 р. Арсень Люпенъ и Шерлокъ Холмсъ, пьеса въ 5 д. и 7 к. пер. съ фр. Ц. 2 р. Брачная ловушка, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Бѣлые вороны (*Хищники*), пьеса въ 5 д. А. Вершинина. Ц. 2 р. Вожжи, эпизоды въ 5 д. кн. Сумбатовъ. Ц. 2 р. Гордость города, ком. въ 5 д. Г. Вида. Ц. 2 р. За старый грѣхъ (*Подозрительный*), пьеса въ 4 д., пер. съ нѣмец. Ц. 2 р. Золотая свобода, ком. въ 3 д., пер. Громаковской. Ц. 2 р. Израиль, пьеса въ 3 д. Бернштейна. Ц. 2 р. Клятва гроба, др. въ 4 д. Лисенко-Коничъ. Ц. 2 р. Король воровъ (*По-слѣдн. приключ. Шерлокъ Холмса*), пьеса въ 5 д. П. де-Курсель. Ц. 2 р. Ничтожная женщина, пьеса въ 4 д. О. Уайльда. Ц. 2 р. Оксана Зозуля, ком. въ 3 д. Федоровича. Ц. 2 р. Обрывъ, др. въ 5 д. по ром. Гончарова. Ц. 2 р. Освобожденные рабы, ком. въ 3 д. Ц. 2 р. Ровно въ полночь, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Очагъ, пьеса въ 3 д. Ок. Мирбо. Ц. 2 р. Сторожевые огни, ком. въ 4 д. С. Разумовскаго. Ц. 1 р. Сыскныхъ дѣлъ мастеръ, фарсъ въ 3 д. Горста и Норини. Ц. 2 р. Приключенія Арсена Люпена, пьеса въ 4 д. Ц. 2 р. Поди сюда, ком. въ 3 д. Тестони. Ц. 2 р. Попечитель благородныхъ дѣвицъ, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Поцѣлуй луды, пьеса въ 4 д. С. Бѣлой. Ц. 2 р. Фиговый листокъ, фарсъ въ 3 д. Ц. 2 р. Чортъ (*Дьяволъ*), ком. въ 3 д. Моль пара. Ц. 2 р. Шалости молодоженовъ, фарсъ въ 3 д. Сабурова. Ц. 2 р. Шестая держава (*Газетный міръ*), пьеса въ 3 д. Ж. Турнера. Ц. 2 р. Шуты, ком. въ 4 д. Заманконса, пер. Lolo. Ц. 1 р. Крошка Дорнтъ, ком. въ 3 д. Ор. Шентана, пер. Э. Э. Матерна. Ц. 60 к. Клубъ самоубійцъ, пьеса въ 2 карт. А. Дюпюльта, пер. Э. Матерна. Ц. 75 к. Семь вороновъ, волш. сказка въ 4 д. съ нѣмец. М. В. Шевлякова (для утр. спек.). Шалости пажъ, ком. шутка въ 4 д. (для дѣтск. утр. спектаклей).

На аккуратность высылки пьесъ обращено особое вниманіе.

Для дѣтскихъ и утреннихъ спектаклей.

ШАЛОСТИ ПАЖА

комедія-шутка въ 4 дѣйств.

(Женскихъ ролей — 3, мужскихъ — 4).

ПОСТАНОВКА ПРОСТАЯ.

Получать можно въ конторѣ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“.

ВЫШЛА въ СВѢТЪ ПОВАЯ МЕЛОДРАМА

Ал. Биссона.

БАНДИТЫ НЬЮ-ІОРКА.

(Никъ Картеръ)

пьеса въ 5 дѣйств. и 8 картинахъ. КАРТИНЫ: 1) Судъ присяжныхъ. 2) Слаетоя квартира. 3) Япикъ для пѣвицы. 4) Полицейскія собаки. 5) Король преступниковъ. 6) Крысиная нора. 7) Распарыватель животвъ. 8) Часы-смерти. 9) Громаднй успѣхъ и полн. сборы въ Парижѣ, въ театрѣ Амбигю.

Изданіе С. О. Разсохина.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ въ КОНТОРѢ „РАМПЫ И ЖИЗНИ“.

КАЛУГА.

Отдается въ аренду съ декораціями и обстановкой зимній Городской театръ съ 1-го іюля 1910 года — срокомъ на 3 года.

Полный сборъ: { обыкновенный до 600 руб.
бенефисный „ 800 „

Театръ въ городѣ одинъ, освѣщеніе электрическое съ самостоятельной при немъ станціей, отопленіе водяное, полъ партера подъемный, соединяющійся во время маскарадовъ и баловъ со сценой въ одинъ общій залъ.

Театръ сдается безъ вѣшалки и буфета. Съ предложеніями и запросами обращаться въ Калужскую Городскую Управу.

Р. С. Заявленія Управой будутъ приниматься до 20 февраля, сдача послѣдуетъ въ концѣ его или въ первыхъ числахъ марта.

Въ субботу 6-го февраля

„АНФИСА“.

8-го, 9-го, 11-го, 12-го и 14-го февраля

„АНФИСА“.

10-го „Эросъ и Психея“. 13-го „Мелкій Бѣсъ“. 15-го въ 1-й разъ „Побѣда смерти“. Соч. Сологуба. Сонъ осенняго вечера. Д'Аннунціо.

Нач. въ 8 ч. веч.

Администраторъ С. И. Годзи.

ТЕАТРЪ
К. Н. НЕЗЛОБИНА
(Бывшій Новый театръ).

Театръ „БУФФЪ“

Дирекція А. З. Блюменталь-Тамарина.

Въ воскресенье 7-го февраля

Бенефисъ М. Н. ДМИТРИЕВА.

„ВЪ ВОЛНАХЪ СТРАСТЕЙ“.

Въ четвергъ 11-го февраля

Бенефисъ Н. В. ПЛЕВИЦКОЙ.

„КОРОЛЬ“. ■ БОРЬБА.

Режиссеръ Н. Ф. Бутлеръ.

ОБЩАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССА.

Петровскія линіи, № 7. Телефоны 207-89 и 156-35.

ОТКРЫТЫ агентства масовъ: Мясницкая, д. Лѣвшинцевой. Берлянский писчеб. магаз., тел. 89-53; Больш. Полянка, д. Феррейна, магаз. Булакова, тел. 206-78; Арбатъ, д. № 52, аптекарек. магаз. Орлова, тел. 94-50; Тверская, ул., уг. Грузинской ул. магаз. Калодкина, тел. 57-00; Таганка, д. Чижова, магаз. Блохъ. Продажа билетовъ въ театры: Зимина, Корша, Незлобина.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Л. Р. Нелидовой и А. І. Собещанской.

Москва, Страстной бульваръ, домъ княгини Ливенъ.

Телефонъ 240-45.

КЛАССЫ БАЛЕТНЫЕ:

1) для Старшаго возраста. 2) для Младшаго возраста.

КУРСЫ ХОРЕОГРАФІИ:

3) для Старшаго возраста. 4) (Воскресные классы)—для дѣтей.

5) для ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬНИЦЪ ТАНЦЕВЪ.

ПРІЕМЪ СЪ 1 АВГУСТА.

Пріемъ въ Балетные Классы Старшаго возраста—круглый годъ. Программы и условія въ помѣщеніи Школы.